

СМЕИНА

11-12

Немцы потеряли:
6400,000 человек
убитыми и пленными

56,500
орудий

43,000
самолетов

42,400 танков

года войны

РУССКАЯ ПЕХОТА — ЦАРИЦА ПОЛЕЙ

Пехота — главный и самый многочисленный род войск. Она может везде пройти, всё занять и всё удержать. Остальные роды войск только помогают пехоте в её трудной и сложной боевой работе.

История русской пехоты начинается вместе с историей нашей родины.

В 811 году князь киевский Олег вёл войну с Византией. Уничтожив вражеское войско, он в знак победы прибыл своей чини в вратах Царьграда. Успех этого сражения послужил основой пехоты, состоявшей из свободных граждан — жителей городов и сёл.

Русская пехота отличалась высокой дисциплиной и храбростью, упорством и выносливостью. В 1240 году князь Александр Ярославич со своей дружиной и новгородской пехотой разбил шведов на Неве. Вооружённые топорами — любимым оружием русских, — новгородские пехотинцы с одного удара разваливали железные щамы шведов, как галинские горшки. Шведы, разбитые русскими, бежали и долго после этого не решались вновь идти на нашу землю.

В знаменитом сражении с литовскими рыцарями-крестоносцами на Чудском озере в 1242 году русская пехота сплела сеть, которая, значит истинная военная добысть.

При царе Иване Васильевиче Грозном в России первые появились стрельцы. Они делились на полки и были вооружены пищалью (ручное огнестрельное оружие), бердышом (топор в форме полушара, на длинной рукоятке) и саблей.

Жизни они в основном занимали пограничные города, а в военное время — в сражениях — составляли опору боевого порядка русской раты.

В 1700 году Пётр Великий сформировал регулярную армию — 21 полков пехоты и 2 полка драгун. С этой армией он начал борьбу против Швеции, захватившей русские земли у Ладожского озера и Финского залива.

19 ноября того памятного для России года враг атаковала нашу армию, осаждавшую Нарву. Молодые русские войска, не имевшие ещё боевого опыта, потеряли поражение. Но во главе пехоты Петра, Преображенский и Семёновский полки, — бывшие «потошские» — удержали свои позиции, отбив все атаки шведов. Они спасли тогда армию от полного разгрома.

Войну с Швецией выиграла пехота.

1702 год — русская пехота штурмовала и взяла крепость Нотебург. 1703 год — пехотинцы Петра, посланные на рыбачьи лодки, атаковали морские корабли «Штерга» и «Гладиус». Эта атака перешла в жестокий рукопашный бой, закончившийся полной победой русских. 1708 год — русские пехотинцы и артиллеристы, вместе с конницей, громат шведов при деревне Лесной, а, наконец, 27 июня 1709 года — знаменитый разгром врага под Полтавой.

Петровская пехота особенно отличалась и в сражении при Гангуте.

Посвященные на гробные суда — галеры, превратившиеся в морские пехотинцы, громат противника, забрав в плен даже шведских адмиралов. Цепляясь за снасти, в рукопашном бою, борт о борт со шведскими кораблями, русские лезли на пушки, не боясь смерти — ни от огня, ни от пушки, ни от воды. «Абордажные сражения, в которых, от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечью, но духом пороховыми из пушек разорвались... во истину нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых», — писал тогда о пехотинцах Пётр.

Применениями их славы были удивлены.

Великий русский полководец Суворов сам начал свою службу «нежным чиниом» — в пехоте, в гвардейском Семёновском полку. Он считал, что обучение военного дела должно было начинаться с пехоты — главного и основного рода войск.

Боевое крещение Суворова произошло в Семилетней войне. Русская пехота тогда отличалась в битвах, наносила прусской армии, считавшейся лучшей в мире, одно поражение за другим. Уже в бою при Цорндорфе в 1756 году прусский король Фридрих был поражен храбростью русской пехоты. Разделённые

кавалерийской атакой пруссаков на небольшие группы, русские гранатёры не сдавались и не бежали. Став сильнее друг к другу, они охотинками штыками, как ежи, и до последнего дыхания сопротивлялись.

В 1759 году Фридрих был наголову разбит при Кунерсдорфе. А через год отборная русская пехота штурмовала берлинские бастионы и затем торжественно, с развенчавшимися знамёнами вступила в славушую историческую столицу. С этого времени Фридрих уже более не рисковал вступать в сражения с русскими, ограничиваясь эманированием на почтительном расстоянии.

Вместе со смеистостью росло и мастерство русских пехотинцев. В итальянской кампании 1799 года егеря генерала Багратиона применили один весьма оригинальный военный приём.

У городка Брешна находился французский отряд в четверста человек. Багратион в атаку на него казаков вместе с пехотой, состоявшей из егерей. Чтобы не отстать от казаков, егеря усвоили им за спины, на крупы лошадей, подсаживая на русский выстрел, они стали одной ношей в стрелы и в тот момент, когда дощцы атаковали галлом французам, пехотинцы, соскочив на ходу с конной, ударяли на врага в штыки.

Ведемая Суворовым русская пехота перешла Альпы через такие перевалы, где алпийские хищные козлы да оленя. Ибо Суворов не стеснялся приучать казаков к самым трудным и опасным препятствиям. И русская пехота победила природу.

Это были солдаты большой военной добысти.

Раскавыкаясь, что пехотинцы Махитина в сражении при Мутурской долине пробрались в тыл французской командующей армией, знаменитому впоследствии маршалу Массене, убил под ним лошадь и свалил его самого ударом кулака. Один из французских офицеров ранил Махитина штыком. Вогварь штыком убила врага и снова бросилась к Массене. Он схватил его за плечо, но Массене уже взбирался на другую альпавь и поэтому вырвался из рук пехотинца. У Махитина в руках осталась золотой эполет — знак генеральского достоинства, оторванный во время схватки. Махитина лично представила свой трофей Суворову и была произведена в офицеры.

Энгельс, оценивая армию Европы в 1834 году, писал: «Русские солдаты являются одними из самых храбрых в Европе... всегда легче было русских расстрелять, чем заставить бежать... они неустойчивы циник... русский солдат хорошо сложен, здоров, прекрасны ходок, крайне нетребователен в пище и питье... и более послушен своим офицерам, чем какой-либо другой солдат в мире».

В войне 1804—1805 годов русская пехота своей кровью возоподняла недомёт бедарного высшего командования. В бою у Торчневца Восточносибирский стрелковый полк, прикрывая отход главных сил, отважно сражался с противником, превосходящим его по меньшей мере в пять раз. С разбитым знаменем и с оркестром полк атаковала отступающие под его ударами вражеские части. Потеряя 912 солдат и 26 офицеров, сибирцы пробрались сквозь стрел неприятеля.

В первую мировую войну русская пехота дрались также доблестно и неоднократно спасала от разгрома армии французам и англичанам.

Во время гражданской войны наша красная пехота была врага на всех фронтах. Силу русского огня и русского штыка испытала на своей шкуре интервенция всех стран.

Белофинны строили свою «линию Маннергейма» под руководством иностранных инженеров несколько лет. С помощью артиллерии мочуца пехота Красной Армии в севернорусский мороз выласт эту пресловутую линию в несколько дней.

Наша славная русская пехота была и бьёт врага всюду — и на горах, и в долинах, и на Аляске озёр, и на море.

Наша пехота брала и берёт штурмом и сухопутные и морские укрепления.

Наша пехотинцы-десятичники не только ходат, но и летают, они могут обрушиться на врага со всех сторон.

Нельзя уже позавидовать силе ударов и Красной Армии и под Сталинградом и под Севастополем. Оснащённая мощной техникой, русская пехота непобедима.

В НОМЕРЕ: Д. МОНИН — Приближается час распада. М. ЛОШКОВСКИЙ — Русская пехота — царица полей. М. ГОЛОДИН — Дреух (стихи). А. ПЕРВИЦЕВ — Товарищ Сергеев. Я. САШИН — Жавка (стихи). КСМХЗ, КОТОРЫЙ БЫЛ ФРОНТО-ВЫМ (из альбома худ. В. Богатыря). В. СОЮРА — Угрюмое (стихи). Я. ХЕЛЕСКИИ — Ныча земля. (стихи). К. ЗВАНЦЕВ — Трое в одной лодке. (фотоочерк). А. КУЗНЕЦОВ — Письмо на фронте есть любовь (фотоочерк). А. КУЗНЕЦОВ — Письмо (стихи). Я. КОТЛОВСКИЙ — Мавзолей на Мем. Деле из Норвегии. Н. ЧУКОВСКИЙ — Девять братьев (продолжение романа). М. ФРАДКИН, Е. ДОЛМАТОВСКИЙ — Одиноким шлейф замесит к кингаз на войне. КУТЮЗОВ ГОРОДИТ. КРОССВОРД-КРИПТОГРАММА. ВО ЛЬВЕ НАЗЛА. ОБ ЭТОМ СТОИТ ЗНАТЬ. П. ИПОЛИТОВ — Чемпына на войне. Монетах обложки худ. С. МАНДЕЛЯ.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЧАС РАСПАДА

Прошло более двух лет с того дня, когда немецко-фашистская коалиция, уповая на лёгкие победы на Западе, вероломно напала на нашу родину. Борьба против коварного и сильного врага являлась для советского народа и его Красной Армии изнурительным испытанием. Благодаря героизму, непоколебимой стойкости и самоотверженности советских людей на фронте и в тылу полностью провалились авантюристические планы германских империалистов, рассчитывавших на порабощение народов Советского Союза.

Подготавливая разбойничье нападение на Советский Союз, Гитлер и его военные советники были убеждены, что в течение полутора—двух месяцев им удастся разгромить Красную Армию и достигнуть окончательной победы над советским народом. В этот срок гитлеровские генералы рассчитывали во главе своих «любопытных» войск достигнуть Волги и Урала. Короче говоря, война против Советского Союза рисовалась германским империалистам, повторившим некое чувство меры, как «молинеионная» кампания. Вновь, как и в 1914 году, германское командование намеревалось оканчить войну «в осеннем месяцу».

Начальный период войны против зарево сосредоточения на наших границах немецко-фашистских армий было наиболее тяжёлым для немощных тогда советских войск, принявших на себя первые, наиболее мощные удары врага. Гитлеровская кампания была усужена в скорой победе. На второй день военных действий германское информационное бюро хвастливо сообщало: «Было бы преждевременным пытаться уже сейчас, до прощания суток, которые, конечно, использованы лишь для развешивания операций, делать окончательные выводы о дальнейшем развитии войны. Однако установлено, что германские вооружённые силы удалось нанести вражку на волека противника. Германские войска захватили уже сейчас значительную территорию».

28 июня, четыре дня спустя после начала германского нападения, Губельс писал в бюллетене «Днист уже Дейчланд»: «Советские армие у нас разбиты. Сославились на Берлине, римское радио утверждало, что русские военно-воздушные силы фактически уничтожены, и, следовательно, «германское продвижение теперь уже не будет встречать препятствия». Оптимизм Губельса оказался нелепым, и 13 июля германское радио объявило немцам: «Днист Сталина проорана во всех решающих пунктах. Теперь путь в Советский Союз открыт для наших любезносо продвигавших войск».

В действительности же боевые действия на советско-германском фронте развивались далеко не так, как это было намечено в планах германского командования. Война против фашистских захватчиков стала всенародной, отечественной войной. Героическое сопротивление Красной Армии, её упорство в обороне оказало факторами, которые не предвидел гитлеровское руководство. Решения гитлеровцев закончить войну против Советского Союза в полтора—два месяца не оправдались. Разгром немецко-фашистских полчищ на подступах к Москве осенью 1941 года явился первым крупным поражением немцев во второй мировой войне, развенчавшим миф о непобедимости немецкой армии. Холмским сражением оказалась для гитлеровской армии жесткой трагической битвой за Москву и первое зимнее наступление Красной Армии. Стали немцы несостоятельными расчёты немцев на молинеионный разгром советских армий, на непрочность советского строя и слабости Красной Армии. Гитлеровская печать и радио, обер-лут Губельс и К^о заговорили тогда о кризисе на Восточном фронте, о суровости генерала «Зимы» и т. д.

Весной 1942 года гитлеровцы, воспользовавшись отсутствием второго фронта на Западе, перебросили все свои резервы на советско-кавказский фронт, создав бо́льшие поперек сил на юго-восточном направлении. В ходе боя летом 1942 года немцы достигли тактических успехов и оказались у стен Сталинграда, в пред-

горья Кавказа. Гитлеровцы вновь подняли шум о предстоящем разгроме Красной Армии, о близящейся победе.

Однако Красная Армия сорвала стратегические замыслы немцев. Битва под Сталинградом стала переломным пунктом войны. Доблестные советские войска уничтожили отборные армие Гитлера под Сталинградом и перешли в наступление, надвигавшее хребот военной машины противника и вскоре изменившее соотношение сил на советско-германском фронте.

Зимнее наступление Красной Армии создало благоприятные условия и для перехода союзных англо-американских войск к наступательным операциям. В течение первой половины 1943 года союзники нанесли гитлеровской армии серьёзные поражения в Северной Африке, в районе Средиземного моря, в Сицилии, начали воздушное наступление против военно-экономических центров Германии и Италии. «Таким образом, удар по врагу с востока, со стороны Красной Армии впервые за время войны соиздал с ударом с запада, со стороны войск наших союзников — в единый общий удар» (Ст а и н).

Под влиянием победнейших поражений гитлеровская армия вступила в полосу серьёзного кризиса. Об этом говорит тот факт, что немецко-фашистские войска текущего года, в отличие от лета 1942 года, оказались не в состоянии развернуть наступательные операции против Красной Армии.

Провалилось широко задуманное и тщательно подготовленное немцами генеральное наступление на Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях.

«Немцы бросили в наступление против наших войск свои главные силы, сосредоточенные в районах Ора и Белгорода.

Как бы это теперь стало ясным, немецкое командование ввело в бой на Орловско-Курском направлении — семь танковых, две моторизованных и одиннадцать пехотных дивизий и на Белгородско-Курском направлении — десять танковых, одну моторизованную и семь пехотных дивизий».

Таким образом, всего со стороны противника в наступлении участвовало 17 танковых, 3 моторизованных и 17 пехотных немецких дивизий.

Средоточив эти силы на узких участках фронта, немецкое командование рассчитывало концентрическими ударами с севера и юга в общем направлении на Курск проорвать нашу оборону, окружить и уничтожить наши войска, расположенные по дуге Курского выступа.

Это новое немецкое наступление не затрало наши войска враппало. Они были готовы не только к отражению наступления немцев, но и к нанесению мощных контрударов.

Ценой огромных потерь в живой силе и технике противнику удалось лишь продвинуться в нашу оборону на Орловско-Курском направлении на глубину до 9 километров и на Белгородско-Курском направлении — от 15 до 23 километров. В ожесточённых боях наши войска измотали и обескровили отборные дивизии немцев и последующими решительными контрударами не только отбросили врага и полностью восстановили положение, занявшееся им до 5 июля, но и проорвали оборону противника, продвинувшись в сторону Ора от 15 до 23 километров» (И. Сталин).

Гитлеровской военной машине нанесён ещё один смельнейший удар.

Войска дивизии, опубликованные Советским правительством, армия Германии и её союзников потеряла за два года войны убитыми и пленными 6400 тысяч солдат и офицеров, потеряла 56 500 орудий (токо, по существу, — артиллерияе 387 германских дивизий), 42 400 танков, 43 тысячи самолётов. Гитлеровское командование не только асает войска, чтобы восполнить эти огромные потери, но и продолжает по континенту «отталкивать мобилизацияе Гитлера. По всей Европе, в том числе и в самой Германии, идёт усиленная охота на людей.

ДРУГУ

Михаил Голодный

Вой канет далад — пройде́т пора аляка,
И, чудом сохранившись за сезон,
Старуха-селяница, один крылом махая,
Ничего молотит о былом.

И алядег алячи́к в степь с бумажным
змейем,
Пожокий на мотк — гавой же вглядя и
роет.
Его курносый брат, товарищ по зазем,
Расправит на земле у змея длинный
хвост.

— Пускай Пускай! — и в небо змея
звизде́т
И, еле змиде́мый, уде́бт под облака,
И братья аляг рядом у колода —
В забэную траву, галде́т издалека

На степь широкую, на небо голубое,
На мотыльки, ари́тку в тени.
Она раскошет им о том, как мы о змею
Под эти лобом коротак дит,

Как в степь мы выходи́м на расвете,
Товарищ высоты, бумажный змей

Пуска́к,

Товарищ, друг, бесмертник бу́дт дити, —
Они хоте́м перныи летать!

Всё канет далад — не канет мир

летельный,
В пободный дель он вре́дет песни

труд,
И перд ним, как первый он населенной,
С бумажным змейем алячи́к прои́уг.

Гитлеровцы стоят в Германии миллионы рабов — иностранных рабочих, — чтобы восполнить катастрофическую убыль немецкого населения. В порядке «отальной мобилизации» гитлеровцы подкапывают под металл все экономические ресурсы парабодней Европы, разоряют промышленность и сельское хозяйство оккупированных стран. Но никакой шумихой о «отальной мобилизации» не скрывает факта кризиса людских кадров, а также всё ухудшающееся положение германской военной промышленности, к тому же ещё повседневно страдающей от мощных ударов англо-американской авиации.

Резко ухудшилось и политическое положение фашистской Германии, значительно ослаб гитлеровский тыл. В различных частях германского населения растет неуверенность, панические слухи, недовольство затейливой Гитлером войной. Расстрелы студентов в Мюнхене, массовые казни в промышленных центрах Германии, угрозы фашистской печати по адресу «сознательных» — лучшее свидетельство ухудшающегося морально-политического состояния тыла Гитлера в самой Германии.

Быстро расшатывается европейский тыл Гитлера. Под влиянием изменений в международной обстановке и, в первую очередь, под влиянием героической борьбы советского народа и Красной Армии во всех оккупированных немецкими захватчиками странах подымается национально-освободительное движение. Триста тысяч партизанская армия Югославия в тяжелых оборонительных боях против обладающих значительным перевесом сил и техники оккупаторов кровью защищает право германского крестьянского народа на свободу и независимость. Польский народ, отшатнувшийся от реакционного и антинационального правительства Сикорского, всё более решительно вступает на путь партизанской войны против захватчиков. Народ свободолюбивой Франции очутился под огнем и переходит к активным формам борьбы против оккупаторов и их приспешников. Боевые действия французских партизан — франкистов — в Париже, северных департаментах Франции, в Верхней Савойе и других местах — лучшее доказательство полноты настроений народа в разгромленной гитлеровцами Франции. Подымается всё выше и выше национально-освободительное движение и в других оккупиро-

ванных странах: Чехословакия, Бельгия, Голландия, Норвегия, Греция и Дания. «Выход час, когда военные действия армии свободолюбивых государств сольются с вооруженной борьбой парабодней Гитлером европейских народов против немецко-фашистских империалистов» (Софийский фронт).

В результате военных поражений значительно подорван престиж гитлеровской Германии. Муссолини «ушёл в отставку» — итальянский фашизм потерял крах, Гитлер получил ещё один удар. Рухнуло владение стратегическим, том часак и малых князиков воед Венгрии и Румынии, на алтыку, наживу поспе победы Германии. Правящие классы этих стран обласованы возмездием и пытаются маневрировать, чтобы заслужить у захватчиков победительной амнистии. Гитлеровцам приходится принимать всё более и более крутые меры, чтобы удержать в руках своих «чужаков».

Кризис фашистского лагеря выражается также в том, что, разрываясь в благоприятном исходе войны, немецко-фашистские империалисты сделали попытку расколоть фронт свободолюбивых народов большой и малой.

В то время когда немецко-фашистский лагерь переживает глубокий кризис — военное, политическое и международное положение Советского Союза укрепляется изо дня в день. Красная Армия, получив боевой опыт, става грозной силой для врага.

Проведённые бои по ликвидации немецкого наступления, показали высокую боевую выучку наших войск, непревзойдённые образцы упорства, стойкости и героизма бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и миномётчиков, танкистов и летчиков.

Таким образом немецкий план астного наступления нужно считать полностью провалившимся.

Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в «отступлении» (И. Сталин).

Высокий моральный дух наших войск, их наступательная сила вызывает восхищение всего мира и ужас в стане врага. За два года войны окреп и упрочился советский лагерь.

Обеспечивая свой родную Красную Армию всем необходимым для победы над врагом.

Значительно укреплены международные позиции Советского Союза. В огне суровой войны родилась коалиция народов СССР, Англии и США, вокруг которой объединились все свободолюбивые страны. Попытки гитлеровцев втрой на различных преарсудах и угрозы «большевизации Европы», так же, как и мирными троюками, вбить клин между союзниками ни к чему не привели. Англо-советско-американскую коалицию объединяет общая цель — совместными усилиями разгромить гитлеровскую Германию, дельшею врага всех свободолюбивых народов.

Англо-советско-американская коалиция обладает неисчислимыми ресурсами и возможностями для осуществления этой благополучной деле. Благодаря героической борьбе Красной Армии, отважной на себя 910 вооружённых сил гитлеровской Германии, наши союзники использовали время для создания мощных вооружённых сил и их технического оснащения. На английских островах сосредоточена почти шестимиллионная армия, вооружённая же силы США будут к концу 1943 года насчитывать 10 миллионов человек.

Особенность нынешней международной обстановки состоит в том, что создаётся благоприятная обстановка для совместных ударов англо-советско-американской коалиции по гитлеровской вооружённой машине.

Улетучив создавшиеся благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе в 1943 году, опоздать в этом деле, — значит нанести серьёзный ущерб нашему общему делу. Опоздание второго фронта в Европе против фашистской Германии привело бы к затягиванию войны, а значит — к колоссальному увеличению жертв. И, наоборот, организация второго фронта в Европе в текущем году привела бы к скорому окончанию войны, — следовательно, колоссальному уменьшению жертв на стороне антигитлеровской коалиции» (Софийский фронт).

Момент решающих схваток с кованым, но ещё сильным врагом приближается, приближается час расплаты. Совместные удары Красной Армии с Востока и наших союзников с Запада сломают хребет фашистскому зверю.

Д. Молчи

ТОВАРИЩ СЕРГУНЯ

Арх. Перенцев

Рисунок Н. Муратова

На погрузке угля из отвала работала команда сгребобаталона, десятка четыре людей всякого возраста и разных профессий. Они стояли под эстакадой у транспортера и лезвием вывалили уголь.

Снег крупными хлопьями ложился на их спины, плечи, шапки. Всё было бело, за исключением угля, когда его ковыряли лопатами. Люди работали плохо. Уголь должен был непрерывно поступать в хопперы (питательные вагоны), но здесь резининая лента транспортера шумела почти всё время акалостую.

— Кто начальник шахты? — спросил Пётр Михайлович, председатель обкомполкома.

— Сергуня, — ответил кто-то снизу.

— Позвать Сергуню.

Через полчаса из-под эстакады появились высочайший человек в сапогах и пальто с барашковым воротничком, в меховой шапке. Шёл липкий снег, но этот человек залюбил руги в карманах галифе, расстегнул пальто.

— Зашахтой Сергуся, — представился он хриловатым голосом с явно украинским акцентом.

— Плохо работают у вас люди, товарищ Сергуся, — сказал Пётр Михайлович.

— Плохо, — согласился Сергуня и улыбнулся.

Его лицо, худое, тёмное, с впадинами щеками, внезапно осветилось этой улыбкой и хорошей улыбкой. Мы все несколько тоже улыбнулись.

— Так всегда работают у вас?

— Всегда, — сказал Сергуня.

По правде сказать, у неё не встречал начальника, способного так беззаботно заваливать себя.

— Можно пройти на первый отвал? — спросил Пётр Михайлович.

— Можно.

Сергуня сразу же пошёл впереди нас по узкой обделанной тропке, пробитой над бесконечными угловыми ущеками. Путь был труден и опасен.

— Мы чуть ноги не сломали, товарищ Сергуся, — сказал я, выбравшись на гребень, острый и скользкий.

— Так всегда. Как начальник ходит, так ноги ломают. С непривычки. Это шахта...

— Это отвал.

— Тут отвал, а вообще шахта.

Группа девушек ловко сгребала уголь. Сидя

зу подполз скрепер, кони, пахотный на уют, зашелпел торку угля и потащил его к бункеру. Девушки встали Сергуню ласково; они, очевидно, любили своего начальника.

— Здравствуйте, товарищ Сергуся! — закрычали они.

— Здравствуйте, девочки, — ответил он, подмигивая им.

Было двенадцать часов ночи. Девушки положили лопаты на плечи и сразу, бросив всё, пошли по тропинке. Скрепер не дождался похвалы, оставшись и туткаясь лосом в снег.

— Куда они ушли? — спросил Пётр Михайлович.

— Сменя, — тихо ответил Сергуня.

— Но сменя-то ещё не подошла!

— Не подошла. Видать, задержалась...

— Нужно было им дожидаться смены, потому уходить. Как это можно: бросить дело на похороны? Ответьте их.

— Не надо. Да они и не останутся, — ответил Сергуня востро, но покривил адюнкту: — Девочки, останьтесь до смены!

Девочки на секунду приостановились — к ним доносился серебристый смех — и пошли своей дорогой.

— Я же сказал, не останутся, — с видом победителя заметил Сергуня и опять подмигнул им: — Может, пойдёте в контрорь?

— Я ещё рядом с Сергуней и говорил с ним. У него жена и дети остались на Украине. Он скучает по ним. Тепло о них говорит. Грустно улыбается. Много необъяснимой прелести было в этом человеке, хотя он и не нравился с длинным лицом, впадинами щеками, сутуловат.

В контроре он разделся, снял шапку, страхнул с неё снег. Выколоченные, довольно редкие волосы были словно чёрными. Из рукавов гимнастёрки торчали короткие, большие и сильные кисти рук, которые прищипли и труду. Сейчас их, казалось, куда было деть.

Он разложил на столе чертежи и разрезы лав и довольно умело начал объяснить своё хозяйство. Закончив объяснение, закурил вихорку, быстро сварились с самосрёткой и сплюнул, бросив окурок прямо на пол, рядом со своим креслом. Тут же стояла пепельница, но это нисколько его не смущало.

— Может быть, покурить? — вдруг спросил он лукаво.

— А почему бы сразу покурить? — спросил Пётр Михайлович, с любопытством изучая Сергуню. — Покажите лучше диспетчерскую.

— Это можно.

В диспетчерской сидела девушка, самостоятельная и без всякого страха отворачивая на все наши вопросы. Вообще Сергуня очень берёт человеческое достоинство, но несмотря на это шахта работала плохо. В этом ещё раз подтвердил Сергуня тихим голосом.

— Ну почему плохо, Сергуня?

— Вот она расскажет. У неё всё записано.

— Почему плохо, диспетчер?

— Решетка чинил.

Девушка раскрыла толстые книги. Почти везде был указан простой из-за починки решетки. Решетка — это корыта из толстого железа, скрепленные болтами, корыта, по которым движется уголь. Решетка качается, и по ним уголь перекатывается в вагоны.

— Все время чинили решетки?

— Да.

Сергуня, вероятно, отлично знал своё хозяйство, но шахта была в прощанье, начальство ходило сюда часто, и ему, очевидно, всё изрядно надоело. Поэтому он отвечал односложно и без всякого похлалательства. Казалось, он дожидается счастливый дни на своём месте, желая свою предстоящую судьбу и планируя с ней, и наступило у него душевное спокойствие и внутреннее равновесие.

— Пойдёмте отвала, — предложил Пётр Михайлович, наблюдая за Сергуней внимательно и несколько дилемно.

— Не поворачивай, — спросил Сергуня.

— Ну, что тут хорошего?

— Конечно, хорошего мало, — согласился он добродушно.

В кабинете он поговорил о шахте, облокотившись на стол и склонив на ладонь голову. Ничего не хвалил, но говорил опять с своей мягкой усмешкой.

— Кушать не захотели? — спросил он неожиданно.

— Нет.

— Может, опустится в шахту? У меня есть интересные лавы.

— Нет. Сегодня не пойдём.

— Ну... Дело хозяйское. Уходите уже? Может, лошади? Я сейчас позволю.

Он встал и, не забывая одной руке угля в карманах, второй снял трубку, крикнул:

свалилась беда—выручил, а поездка пусть идет, как обычно. Чтобы посто не влезла на «Коршун».

И Трофим Егорович быстро шагнул к выходу.

А Голыши своей неизменной скорострельной уже привлекла десятком заметных снегом станций и полукатастроф: «Полный порядок. Авариям сам пошел под землю. Подземка провисает поездом»,—поручил уже соединившись непосредственно с диспетчером горюшей шахты.

Этот диспетчер оставался внизу, не покидая своего поста, и поведение его было строго и правильно. Он сидел в шахте, в своей металлической камере. Огонь приближался к нему, он задымился, но требовал пока одно—немедленно забрать динамит, чтобы не взорвать шахту.

— Динамит!— несколько раз прокричал порученец в трубку, словно ошеломленный языком словцом. Потом он спросил: «Сергуша? Кто с Сергушей? Куда Сергуша? И где черт знает куда? Порученец стоял у рычагов, бранил телефонистку коммуторки. Но она не была виновата: диспетчер не отключался.

— И должен дежурить здесь, — сказал порученец, — а чало предупредить Авакумова. Главное — спешить с динамитом...

— Что он говорит насчет Сергуши? — спросил на ходу.

— Ничего не понял. Поезд, подвеза, что-то вроде этого...

Я выскочил из вагона, чтобы донести Авакумова и Петра Михайловичей. Три лица режиссера, отпоровавшихся колесами, бежали по Подземке. Клубы тяжелых туманов переслаивались через пути, точно стараясь скорее занять внезапно опустевший район. Я шел к лесу, я медленно оглянулся. Ошеломленный, как на празднике, сиял наш салон-вагон номер два. Один! Как символ уверенности и спокойствия.

Авакумов стоял на ковре. Выступал меня, он одобрительно заметил:

— Молодец диспетчер! Шахтерская натуральная кровь!

Вокруг Орленко держались красноармейцы, уже передвигаясь с кирками, вершинами и лампочками. Женщины, прибегавшие на ковер, ступали по стелу и смывали колодеши, вытирали кончики головных платков саблям. Некоторые тискали головами. Все они со страданием в глазах, надеждой и какой-то опаской следили за Авакумовым.

— Ревет-то быды, как коровы ведеемые, — сказал Авакумов, — пришлось принудить немного, успокоились. А вот стили нам выругать куда — совсем переставут лодыжить. Тогова уж натура человека такая — измученный верит. Раз начальство риннуло идти вниз, — значит, и их Роман будет щел.

Под грубостными словами Егора Трофимовича пряталась откровенная нежность к стоявшим рядом людям. Видно эти шахтеры, как рыбаки, жили всегда внедалеко от стили и никогда не могли быть спокойны за судьбу своих корытацелей.

Полошея зашхотила.

— Диспетчер авонд, — сообщил ему Авакумов, — аврытывать вырывать нуею... И что-то непонятно насчет Сергуши... Зачем его в этой шахте?

— Сам пошел, Трофим Егорович. По забоем сосукался...

— С нами пойдешь. Наверу без тебя уберать!

Подозвела клеть, ступилца, остановилась. К ней кинулись женщины. Когда распахнулась дверь, до подъёмника вышло несколько человек. Это были специально работавшие в этом парке электровозов и подстанции. Они оказались по эту сторону пожара, ближе к выходу, и ничего толком рассказать не могли. Авакумов двинулся вперед в направлении Женщины столпились у входа. Авакумов приветственно поднял руку с лампочкой, сердито пошутил:

— Что-то долго выши благоверные с окатыванием задулалась. Я их авра, броби, пригнать авра-гора.

— Пригнатьте, пригнатьте, Трофим Егорович!

— Трофим Егорович, выручил!— выдохнула вожделая женщина, кусая купцы платка.

— Как удасться...

Клеть заглохла, загудела, усекоря ход, побжал моржир трос. Выли вместе с Авакумовым ушли каклады, и Орленко со своей командой. И все сразу смолкло. Гудела компрессорная, где-то чавкала поршни. Мы приглядывались, чтобы не каклады зах. Женщины мучались, следя за движением троса.

Когда трос остановился, женщины разбегались на кучки, но почти ни о чём не говорили.

ЖАЖДА

Я. Сашин

Вторые сутки нес терзава жажда,

Но шаг вперед упорно морщил.

Как беспредельно радовался каждый,

Когда вдали блеснула синь реки!

Казалось, к счастью нас вела дорога,

И, вельсая, ещё издалека

Кричали мы:

«Оставьте нам немного

В реке воды. Хотя бы два глотка!»

Спустились ниже горного уступа,

Мы поняли: нехотят наша протыть

Пред нами палмы три немещих гурпа.

Пусть нам не верят! —

Мы не стали пить...

Ли. Кто знает, сколько драматических сцен разыгралось бы у входа «Коршуна», если бы мына спокойно не ушёл Авакумов.

Всю ночь шёл бой за «Коршуна». Рассвет осветил лица, покрытые ослепительной бледностью. Шахта торчала. Снаружи ничего не было заметно — ни обвалов дыма, ни языков пламени, так привычных при слове «пожар». И от того, что не было дыма и пламени, двойное была страшна полевая драма.

Где-то под нашими ногами, на большой глубине, боролась с огнём несколько сот человек. К шахте уже спустились горняки, привезённые Соловьевым с Губки. Подвалили баллоны с углекислотой. Говорили, что Авакумов возводит перемычку, чтобы локализовать пожар, а между перемычками начнется углекислотку.

Наконец вырост стал походить динамит. Его аврыбасили и скинули и клеть. Ящики аврыбачили платком дымом и были обсыпаны борхотной пылью со следами палец. Должно быть, Орленко со своей командой выгасили динамит санькам, ползком...

И эта трудная работа мы удавалась.

А через Подземку неслись поезда; исчезли Саварино Урал омыла наш ошеломленный вагон; электровозы, проносясь мимо, приветственно орла. Звонили Москва... Приказано было аврыбавать из-под земли Авакумова. Приказание было передано вниз санькам — одним из молодых шахтёров Губки. Через два часа клеть привела задымленного Трофима Егоровича. Он вышел вхохотом старого, уставшего, человека, но когда к нему подо-

шли женщины и закричали требовательно и жалобно, он укренился на шарко задымленных ногах и, обведя всех упорным взглядом, блестящим губами:

— Живы выши Ивны да Романы. Выработали динамит из шахты Сергуши, но теперь уже от счастья. Они окружили Авакумова и шли за ним вломанном кольцом, забегая вперед, пытаясь выжить и пидать его лодыжи. Это и случилось Егора Трофимовича и троголо:

— Ох и бабы! Ну что вы видите до меня, бабы? Не справляе я с вами со всеми, старыми!

— Где же Сергуша?—спросил я Авакумова, еле протиснувшись к нему.

— Я с нетерпением ждал ответа. Мне казалось, что это сообщение и вконец оставило быто годью для того, чтобы утешить женщин.

— Выработали поезд шахтерю Сергуши. Они вот-вот должны высочить у Низкого лода.

У Низкого лода быстро собралась толпа. Шахтеры уже вылезали на поверхность, уже гудели люди, перекатываясь волной от человека к человеку, голыми ногами, бросаясь на встречу своим мужьям.

Но где же Сергуша? Я искал его среди песчато-черных фоток, так положил руки на дуга.

И вот я услышал его знакомый, хрипловатый голос. Сергуша сидел на струбне, вытянув ноги, сколачивал набок.

— Девочки, снимите, — просил он тихо и ласково.

«Девочки», только что выведенные им на шахты, стаями с его ног грубые сапоги, Сергуша поставил. Кругом рядом с собой и привалился медленно и вконец перематывая позорнику. Пошёл снег. Спущенные хлопья мгновенно зашлепили Сергушу и всю шумную, оживленную толпу горняков. Сергуша с трудом натянул сапсы, вылезая из-под струбны.

— Знаю я «Коршуна» вдоль и поперек, — сказал он мне.

— Но вы... вы спасли людей! — я тряс его руку.

— Это не то, что зашхотать работая, без графика. — и Сергуша тихо попросил: — Хлопцы, у кого закурять?

К нему потянулись кистети. Он долго, покачивая на своих длинных ногах, курящих шапиром, потом наклонился, чтобы прискурить, и вдруг сразу свалился в струбну, утонув в дыме дымовоздуха.

— Подбласс! — шептала Сергуша, силеяя прихватывая.

К нему бросился горняк, легко выхватив из струбны и перекинув. Вышлепало он пробовал вырваться, но было настолько слабо, что через минуту он окончательно утонул в дыме упрямых лемничавшихся рук и тяжёлых плещущих тосающей.

К Низкому лоду всё ещё бежали люди.

— Каюк несётё?—тревожно спрашивали они нас секунду...

— Жив!

— Жив. Подбласс.

Возле шахтоуравления горняки увидели Авакумова. Кто-то громко и несколько стал рассказывать о положении Трофима Егоровича, о том, как сам пошел в горющую шахту. Сергуша отсутствовал и бросился к Авакумову. Он схватил и перекинул, остановившись, но потом ошелмился и равнялся к нему.

— Верил!

— Клявил!

Нет, правда же близко у человека лежат хорошие мушаста.

Лепля снег, улыбаясь, может быть, ишедший снег, правильное место Сергуши; прислонившись к косяку двери, стал только что аврыбачивый клетью Орленко, и рядом с ним — его белезасте бабы.

Так было на «Коршуне» в ту тяжёлую для нас всех военную зиму.

В. Сосюра

КОЛХОЗ, КОТОРЫЙ БЫЛ ФРОНТОВЫМ

Зеленеют всходы на полях освобожденной от немцев воронежской земли. Кипит в колхозах работа.

Молодой художник Владимир Богаткин запечатлел в своем альбоме людей из колхоза имени Ильича, Добрянского района. Это знаменитый колхоз. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке он был премирован.

...Чуть свет—молодежь уже в поле. Домой же здесь возвращаются только тогда, когда сумерки окутывают широкие колхозные улицы.

Урожай обещает быть богатым: сев в колхозе прошёл хорошо. И в кузнице и в МТС немало потрудились молодежь, ремонтируя сельскохозяйственный инвентарь. Даже самый придирчивый осмотр не смог обнаружить ни одной погрешности.

С нетерпением ждут колхозники каждую весточку с фронта, будь то письмо, или свежая газета, или номер журнала, доставленные всёёём молодым почтальоном в этот отдаленный колхоз. В обеденный перерыв кто-нибудь из комсомолок читает колхозникам сводку Совинформбюро, статью или интересный рассказ. Катерина Васильевна Назарова часто при этом вспоминает своих сыновей-фронтовиков.

Дочка у Катерины Васильевны—Анна—тоже боевая работница и затейница. Была на фронте. После ранения вернулась в родной колхоз и сейчас уверенно водит трактор. В поле постречалась она с председателем колхоза Дорофеевым.

Председатель рассказывает не горюясь:

— Богатей снова, Аннушка, наш колхоз. Только что мы в правлении подсчитали, сколько внесено ильиченцами в фонд обороны,—350 тысяч рублей продуктами и наличными деньгами...

Анна удовлетворенно улыбается.

Стучит в окошко сухая ветка...
Мне больше не забытьте снегам,
Всё слышать смелит унылым ветрам,
Шуршащие ветра полн окном.
А сжд-то там, в дали оранной,
Не зная охлады и сна,
В крови томится Украина,
Мок розливная страна.
В окошках жерновных стогов ваны,
Душа как будто сожжена,
И месяц музний и багряный
Пальмет меж лугами война,
На асытых огненных олебах.
И, превращая почву в дым,
Рожокот гауко бомбонозы,
Внеками рассидад огни.
Над лесом зарева разливны,
В дыму ползучем стогов ваныей.
Фантомов ордн толкут знамя
И поат из Днепра коней,
Земля, искромсанныя сталью,
Ещё не знала бурь пясных.
Так не была поляна поселял
Детей, что жалуют о роздых.
Так тяжко охают орудья,
И душой мучится свистя,
И деть в безумьи, скрывает грудью,
Целуют мёртвец листы.
А здесь в окошко скрывается ветвя,
Здесь напряжённый труд крутом,
Здесь в вышине нег трупот светляк
Вашварский месяц за окном.

Ветра сороборщит экон,
Песней и заполонил.
Украина, зной простор
К сердцу светлый луч простёр.
Сороборщит, том
Вербы гнуется по садом,
И искустал поети в дали
Степом гнева и печали.
Продымают веточа сонной
Смоля пильбу и ссывет пожар
Песни и змлюю Украину —
Сердца горестного дар.

Перевод с украинского
И. Грушецкой

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ...

Я. Хелемский

За промозглыми ридями,
Где скрывается земля,
Лежит меж немцами и нами
Решьмя заросшая земля.
Ничья земля... Воронок раны.
Войной истерзанная земля,
Нет, нам и тоскотно и страшно
Её «ничью» называть.
Она окрест, как прошло, наша
И чем печальней, тем рошней.
Её спящим немцем лизает,
Но мы хозяева на ней,
Где за оградою колючей
Лощина тянется «ничья».
Там снайпер спрячется полчище
У пороскинутой руды,
Там наблюдатель с перископом,
Сухими ветками укрыв,
Из незаметного окопа
За промозглым метром следит,
Там попластушки, палоской тенью
Среди пустых и диких трав
Ползёт разведчик, направленно
По азимуту разведчика.
Он здесь любую тропку знает
Во всех овраках и асках.
Слова «ничья» нам «чужая»
Нам ни к чему в рощных местах!

Действующая армия.

ТРОЕ В ВОДНОЙ ЛОДКЕ

К. Званцев

Августовский день близился к концу. Солнце медленно погружалось в море. Наступала тишина, которая обычно бывает здесь только тогда, когда в небе зажигаются первые вечерние звёзды.

Лётчики стали собираться для разбора итогов дня. Не хватало лишь экипажей двух самолётов, ушедших на задание в море.

Но вот над аэродромом послышался гул. Это вернулся Глушко. Он подошёл к командире скадрила:

— Задание выполнено. Маршрут полностью пройден. На обратном пути шедший рядом самолёт Соколова вследствие неисправности мотора задымил и был вынужден сделать посадку в квадрате N.

...Их было трое: командир экипажа — старший лётчик Соколов — и помощник — штурман Талда и стрелок-радист Бондаренко. Когда самолёт Глушко долго и возрешенно кружил над ними, они настойчиво мигали ему руками: «Задано». Товарищи знали: у Глушко мало горючего, ему только бы до дома дотянуть...

Глушко улетел.

Самолёт Соколова почти весь погружался в воду. Держался он, вероятно, на пустых бензобаках и подкряпанных подлопавках. На поверхности моря расплывались его большие крылья, из воды торчали стабилизатор и киль. Свистящие волны тяжело перекатывались через плоскости, обдавая холодными струями трюк лётчиков, прижимавшихся к моторной стойке. Самолёт вздрогнул, скрипел и стоял под ударами катившихся валов.

Первым нарушил молчание Талда:

— В фюзеляже есть резиновая шлюпка. Вытащить её — будем жить.

Штурман разделся и полез в затонувший самолёт через баковую отсек. Двое оставшихся на плоскости тоже разделлись и с тревогой смотрели в зелёный мрак кабины.

Минута прокалывала им вечность. Талда вынырнул, подблеснивал и усталый, тяжело вздохнул и беззащитно развёл руки.

А вода и сороботала, что о злое видле? — об обычной своей утешной проливне Бондаренко. Он полез под воду, долго не показываясь и, наконец, вынырнул так же, как и Талда, без ничего. Оглядывавшись, он снова бросился в воду, снова показываясь на поверхности и, язвиво зубы, прокричал:

— А ну, хлопцы, тянем шпатель!

Соколов с Бондаренко бросились вытаскивать сверстную резиновую шлюпку. Надували её поочереди, до головокружения. Всё время шумно выдыхали воздух, всю ночь не сомкнули глаз трое в маленькой шлюпке. Звёзды скопились к горизонту. Слабо заволокло небо на востоке. Приближалось утро. Лётчики заблудились в трюковой дремоте.

Прожидясь все одновременно от ноющего звука мотора. Сразу поняли: это легит стреляющая. Фашистский самолёт держал курс прямо на шлюпку. Его мрачная тень на мгновение закрывала солнце.

— Не шевелитесь, — шепотом приказал Соколов. «Хейвель», прохода над шлюпкой, посылая по ней пулемётной очередью. Со шквотом и визгом тудя заблещили по воде. Люди не испугались.

«Мертвые», очевидно решил немец и унёсся в голубую даль южного моря.

— Всплывай! — радостно воскликнул Бондаренко. — От ю дреме гарно мы его обдурили! Бандаго! Вражда шло утомительно обдурили, а море и небо были пустынями.

А что если трести до берега? Всё не так сидеть, — предложил Бондаренко.

— Нет, из нашего квадрата уходить нельзя. Это ослепит поиски, — возразил Талда.

Соколов согласился со штурманом. Решили ждать. Незаметно подошла вторая ночь. Спать не хотелось, не хотелось и говорить. Мучил голод и жажда. Мёртвая зыбь мерно покачивала резиновую шлюпку. Широко раскрытые глаза трох лётчиков пристально вглядывались в дальние затонувшие стены мерцающих звёзд.

Так прошёл ещё сутки.

Снова невозможно жгло солнце. Головы горели, их приходилось смачивать соевой водой, поизвизать носовыми платками. А солнце чертовски медленно спускалось к горизонту...

Но когда стали гаснуть его последние лучи, вдали вдруг послышался знакомый шум лопух моторов.

Воспитанник комсомола старший лейтенант морской авиации Черноморского флота Константин Званцев хорошо знает и любит море. Пятидцатилетний мальчонка он плавал на рыболовной шхуне, восемнадцатилетним юношей поступил на Ленинградские курсы поларников, а затем заочно окончил морской техникум.

Зимками на острове Врангеля, полноратной экспедиции на «Сибиряков», двухгодичное пребывание на мысе Стрель-

гова, обслуживание перелётов Чкалова, Бодяковского, Молокова, Алексеева, Шельваха, Козлова — таков путь поларника и журналиста Званцева.

На войну с немецкими захватчиками он пошёл добровольцем. Константин Званцев служил штурманом в части майора Гольмшта, японскойской сухопутные удары по военно-морским силам противника. Будни этой части, где почти все лётчики — орденносцы — так богатейший материал для литературной работы.

В свободное от боевых полётов время Константин Званцев написал пьесу о черноморских моряках. Он активно сотрудничает в газете «Красный черноморец», работает над книгой, рассказывающей о простых и героических людях своей части.

Отрывок из этой книги мы и помещаем здесь.

— Намп летя! — воскликнул лётчик. Пониристый Бондаренко с криком «ураз» всколыхнул на ночь, ушли шлюпка качнулась, и несущаяся фигура мгновенно оступилась за борт. Наступило мимолетное замешательство... Потом мо-

крого и сконфуженного Бондаренко за ноги втянул в шлюпку.

А из ведущего самолёта улыбкалось дугообразное лицо штурмана капитана Крюкова. Всем своим видом оно как бы говорило: «Сейчас, братья, сейчас!»

Вслед за этим из кабины стрелка-радиста Яковлева к шлюпке волетели два сабита: Яковлев и радист спасательным поиском прозвонит и газет.

Радость трёх товарищей не имела границ. Самолеты сделали ещё два круга и, покочив крыльями, ушли вдаль, за тёмный горизонт. И чья-то шло присутствие и утешу.

Прованит был зипан в жесткой банке, пресная вода в бачке с плотно завязанным краем. К бачку чья-то забывавшая рука приложила исправительное «наваж»: ведь бумагу нужно было вскрыть.

Ужас затуманил. Это было необычайно широтное после двухсотлетней голодоморы: холодная пресная вода, консервы, галеты, сушёные продукты. Коньяк! Три амбидоква заветно подвал настроение, и под вечерним звездным небом взвучали громкий говор и смех, записались красными огоньками широты.

И тогда совсем неслыханно, из глубины моря, послышался глухой шум и пытанье. Далеко булькала вода, казалась, что со дня моря поднимается какое-то чудовище.

Лётчики переставались, не спохватываясь, погнались широты; осторожно сложили прованит в банку и акутали её острие, образные края кителем Талда, чтобы — неровен час — не порезать резиновую шлюпку. Шум нарастал.

— Ой, товарищи капитан, шельз млея шипу! — изводноиво воскликнул Бондаренко.

— Помотри. Только не шевелитесь и не шуметь, — строго приказал седой лётчик.

Чья-то широтка выплыла на поверхность и, покачиваясь, остановилась на метровой вышине моря. До слуха пассажиров резиновой лодки доносился разговор на чужом языке.

— Немцы, ребята! — шепнул Соколов. Лётчики замерли. Дресли, чтобы уловить шельз, было неразумно; это могло привлечь внимание врага.

Подозванная лодка тем временем произвела зарядку аккумуляторов. На её металлическую палубу вылезли все свободные от вахты члены команды. Немцы курили, смеялись, громко разговаривали, жадно вдыхая свежий морской воздух.

С неангажированностью следя за титлаторными Соколов, Талда и Бондаренко. К счастью, а море свернуло дум прожектора. Он шарил по воде и стремительно мчался к подводной лодке. Кто-то из немцев отдал резкую команду, и в воду поплыли огни сигналов. Немцы быстро спускались вниз. Вот захлопнулись дум, субмарина скрылась под водой, и перешло её едва не задед маленькую шлюпку.

Утро привнесло радость: над шлюпкой снова закружилась дум самолёта. Один из них сбросил парашют с привязанной к нему шлюпкой.

«Ждите, не тужите, будем сейчас летать, вас сопроводит Ендш парашют с нам шидши катера, они скоро шпрудут, нас шпресут. Крешно вы обнимем, скорой ветречи желаем...», — прочли лётчики.

И Бондаренко радостно принялся за приготовления.

Время шло, наступил закат. Море совсем успокоилось. Около шлюпки, покрытой шлюпками белым тентом, слезлиным из парашюта, плававшая галета и округив парашюта, медленно поплыла в пустая бутылка с тремя звёздочками на горлышке. На море, из-под тента, торчали к небу длинные волстые ноги Бондаренко. Над морем стоял белогорский туман. Белую шлюпку, покрытую тентом, развизалась стая дельфинов.

Такую безмятежную картину и увидел экипаж катера «Морской охотник», пришедший за Соколовым, Талдой и Бондаренко.

— И вы, которые на даче, разрешите к вам преслатать письмо из нашей комманды катера.

И моряки радужно принялись на борт трох «робианов».

НА ФРОНТЕ ЕСТЬ

В стихах Лермонтова, в военных рассказах Тургенева прекрасен чёткий и лиричный пейзаж. Человек в минуты величайшего напряжения своих сил глубоко воспринимает природу.

Тем более ощутим пейзаж для советского бойца, который сражается на своей земле. Он отнимает родную землю у врага метр за метром. Он переживает судьбу каждого дерева.

Русские реки, которые перешли наши наступающие части, придонские камыши, кубанские плавни — это наш пейзаж. Никогда не забудет боец и берёз рядом со своей позицией.

Русская зима: сугробы с застругами, мягкая пороша и блистательный жёсткий наст — это русский мороз, родной нам мороз, грозный для врага, это тоже фронтовой пейзаж.

Русские леса ранены боями. Когда уходит враг, подолгу ещё в ветренные дни падают подрубленные осколками деревья.

Русские поляны — верные позиции нашей артиллерии; артиллеристы изучили

их, как т с
сосновых
кустов.

Русские
площадку
желанней
каждый

Фронт
работы М
печатают

Немцы
в городе
кладбища
рядами

Но все
мечтает
жи в вы
сантимет

Но те
земле и
они уже

И наш
могуче-с
с себя

ПЕЙЗАЖ

художники. Они любят густоту порослей, солнечную зелень

пашни и поля ждут нашу наступательную пехоту. Каждый шаг освящён, прогнать вражескую нечисть, шаг взят с любовью.

Каждому пейзажу посвятил свои работы Михаил Савин. Некоторые из них собраны здесь.

Пытаются «освоить» наш пейзаж: в садах и сабах они устраивают свои огороды, похожие на огороды, ставят решетки из неободранной берёзы.

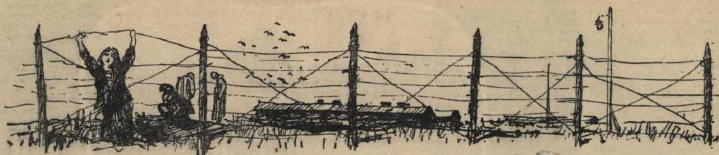
Они смывают чужие могилы. Не фотографы снимают наши пейзажи — курьеры каше, посылают домой талисманы открытки.

Немцы, которые легли на нашей земле, чьи тела выросли в траву, — никому ничего не пошлют.

Наш пейзаж для них — это пейзаж спокойной природы, смывающей чужое.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

ПИСЬМО

А. Кулешов

«Дорогой мой,
Печаль не тая,
Несёслай мой день, несёслай...
Покляло родимые сёла,
Сранный поезд увозит меня,
Ой, в неволю!
В Неметчину,
Как, бывало, в Туретчину...
Не одна я: с девочками,
Всех нас
Угонют в неволю,
Осталям мы наши отцовские сёла
И плачем о доле.
Я пишу, слёз не лью.
Эх, скупою я стала на слёзы!
Бросить косы свои я хочу под колёса,
Только шестно...
Немецкие звери
Не пускают за дери.
Дорогой!
Листе большой.
Я пишу на серой бумаге
И не кровью пишу:
Кровь застыла
И в сердце и в жилках.
Я пишу
Карандашным последним осызком,—
Читай его близки,
Минет скоро уж год,
Как не пишешь, Оадей, ты Христине.
Мне и почта твоя полевая
Неведома чинье,
И куда я пишу?
Может, свет лишь смещу.
Пусть мой враг и смеётся,—
Напишу хоть куда-нибудь.
Как это
В писье воеётся:
Я пишу его в небо,
Пусть несётся с ветрами,
Может, туча тебе его выплеснет
Вместе с дождями.
Дорогой!
Проезжаем мы Днепр голубой
О, днепровские волны!
В эти волны венки
Мы неславно, играя, бросали.
И пляши васьлины,
И толкали венки,
А девочки сидели и пели
А мой слитый веноч
Плыл, как чолн,
Между волн,
Плыл, всё плыл, пока очи смотрели...
Миняся мне, что ты — рядом
В своей гимнастёрке военной,

Цел-не-целомек, и не тронула шуря тебя.
Может, даже проклятая тронула, да не убрала.
Миняся, будто олень я с тобою иду,
Как когда-то ходила.

В чёрные дни хозяйничанья немцев на Кубани Федор Петрович Морозно, директор рыбозавода станции Гривенской, Краснодарского края, партизан в горах. Ушла добровольцем в морскую пехоту и дочь его, девятнадцатилетняя комсомолка Нина Морозно. Во время одной из десантных операций в тылу врага она встретила со своим отцом партизаном. За героизм и отвагу Нина Морозно была награждена орденом Отечественной войны II степени и Красной звездой.

Недавно она приехала в свою родную станцию, освобождённую от немецко-фашистских захватчиков. И вместе с отцом Нина пришла к могиле своей учительницы и подруги, зверски расстрелянной немцами.

Фото М. Алюгерта

Рис. Н. Муратов

Всё как сон: что окончились наши гулянки
Что тропинки во рощи
Расползлись немецкие танки.
Мне приснилось, что замуж я вышла,
Ты — муж мой, а я — твоя жонка,
Взялись за руки мы
И смеялись так звонко, так звонко!
Но зачем я пишу,
Заполняя бумажные листы?
Ты ведь знаешь и сам,
Что гадальни не верила Христине,
Милый мой,
Васьлины за окошком в росе,—
Плачут синие очи — кривицы,
Ну и пусть они плачут,
Не видят позора девичьи.
Я пишу, я пишу: ты пряди
И за всё отомсти,
Солом милый,
Не прощу за себя, а за родину,
Что нас любовью растила.
Пусть я буду не та,
Но унжу твоя след, не впаде —
Понедую его...
И, как бабушка, тихо заплачу,
Ну а если письмо не дойдёт,
То читай по дороге, от Орши до Бреста.
Ты другое письмо,
Что на шпалах писала невеста.
И она и подруги писали, стая и плача,
Полнаючи каждую шпалу слезою горячей
Помни, это письмо
Половинка писала, девичина...
Ты прочти и ответ на него
Донеси до Берлина.
Я пишу,
Я пишу: смей мой стыл,
Не хочу быть такою:
Я — рабыня, рабыня,
Я — чёрная, чёрная,
Милый мой,
Не с тобой,
А с проклятой бедой
Обручённая.
...Тот и город, огромный и серый
Слышешь говор протавный с чужого
перрора.
Распахнулись дери,
И велит нам покануть вагоны.
Привезли на незольный рынок.
Сталло точку. Как давит мне сердце
кручина!
Покупают здесь девичьи косы.
Христине».

Перевёл с белорусского
Борис Бендик

отправлял, чтобы тот назвал моего отца тем же именем.

— Это такой оратор был, Демосфен,— сказал Володя,— он в рот камушки вставлял... Он рассказывал о Ресове и Крнштадте и видел, как всё время следит за ним жезл Шуккина — Нина Александровна, как не сводит с него глаз младшая дочь, Мириана. Он не хотел показаться этих людей, и когда Николай Демосфенович сказал: «Ну, ты теперь спишь?», — мальчик без колебаний отстал.

Он долго не мог заснуть в эту ночь и слышал, как за столом шептались Шуккин с женой, и понимал, что разговор идёт о нём.

И утром, когда мальчик ушел со Шуккиным на работу, Нина Александровна прошла вслух записывая всё слышанное с просьбой об увольнении Волгина Смирнова.

Так началась новая жизнь. В семье мальчик пресмыкается и попросил, чтобы его учили профессия токаря. Правда, работал он тогда без станка, но мастер Василий Васильевич Катаев не ругал его. Мастер добивался только того, чтобы Володя полюбил свой станок и ремесло токаря. Поэтому он был уже доволен, если мальчик внимательно слушал его объяснения и записывал что-то в свою тетрадь.

Никто не расширял Володю ни о чём. Только один раз, исполнив школу в Мге, он сам

рассказал шестнадцатилетнему сыновцу Саше Орлоу обо всём: о безымянном городке эмигрантов, о матери, о Лёвике Артемьеве и даже о своём альбоме потроховых марок.

Он подружился с Николаем Демосфеновичем. Мириана принесла ему книгу — странный килограмб снопа пробудился в нём,— рассказывала о своей школе, советовалась, как с братом. Он полюбил и жизнь семьи Шуккиных, и, если долго не писал от Ирины с фронта, мальчик старался писать Нину Александровну, испытывая тревогу за неизвестную сестру.

Незадолго пришла весна, когда Володя сам вытолкнул одну из деталей мины. Он удивился своему умению, но скоро первое удивление перешло в чувство удовлетворения от своего труда.

Молодой моряк Свободной Норвегии.

ДВОЕ ИЗ НОРВЕГИИ

Эту норвежскую школу немцы завоеватели превратили в гараж автомашин, награбленных у норвежцев.

И это чувство разделяла с мальчиком его новая семья.

Нина Александровна с гордостью приняла первые деньги, заработанные им. Она купила на них ботики, и Мириана вечером торжественно вручила новому «скороходу» Володе Николай Демосфенович, угадывая, даже пошёл к приятелю сказать ему о том, что, мол, сын стал зарабатывать деньги и требует, чтобы он, старший Шуккин, перешёл теперь на пенсию.

Сын! Да, сыном тогда Николай Демосфенович назвал мальчика. И Володя чувствовал, как дорога стала ему эта семья, он знал: теперь надо жить, жечь, жить.

Валё ещё один день, который надо было запомнить. На собрании мастер уловил его имя среди душник и сказал, что Смирнов своим трудом мстит немцам за смерть отца и матери. Мальчик впервые так ясно понял это слово — «мести». Это было оправдание жизни. Его первое и, казалось, неисполнимое желание — отомстить за всё немцу — обманулось так просто.

Он рассказал об этом дома, и Нина Александровна, как тогда, в памятный зимний вечер, внимательно слушала за его возобудившим лицом, и Николай Демосфенович говорил, когда мальчик на минуту умолкал:

— Да, так, Володя, конечно! Это и есть твоя мсть.

Тор и Эрлинг то плали по течению реки на плотках, то шли пешком. Запасы продовольствия давно кончились, и вот уже несколько дней их единственному питанию составляли ягоды, варёные в солёной воде. Они шли по пустынным местам, встречали мезелетей и диких оленей. Одна такая острова с огромными бурми медведом едва не стоила им жизни. Только находчивость друзей помогла им избежать знакомства с котлами хищника лесов.

Однажды их плот застрял течением на пороге. У гольдских, исландских конюшен не было уже сил бороться, чтобы добраться до берега. С огромной скоростью выла их река. То справа, то слева от плота показывались торшане на поны полуденные камни, сложенные чёрные кнжиды. Страннее всего был момент, когда Тор, потеряв опору, свалился в воду. Всё же ему удалось ухватиться за верёвку, и Эрлинг как раз вовремя вытащил его на плот.

Через два дня их прибило к берегу. К счастью, здесь были в изобилии ягоды, на которые они набросились с жадностью. Набив желудки, они повалились на землю и проспали больше десяти часов. Сон, однако, не дал им желанных сил. Юности как ослабли от неревнейших лишений, что не могли идти дальше. Собрав остаток сил, они ползком добрались до озера. Они не хотели умирать на негостеприимной финской земле, и мастеровиза из прибитого к берегу леса какое-то подобие плота, оттолкнувшись от берега.

На середине озера белозелые, умирающих из-за голода, подобрали пылавшие в лодке бобыны Красной Армии. Они доставили друзей на плот. Здесь им оказали необходимую помощь, но кормили. Лишь после этого Тор и Эрлинг смогли отвечать на вопросы и рассказали историю своего путешествия.

Няне Тор и Эрлинг сражаются в составе авиационных частей Свободной Норвегии, действующих с английских аэродромов.

Их зовут Тор и Эрлинг. Одному девятнадцать лет, другому — двадцать один. Другая работали на эскадрильях. Ни на минуту не забывали юноши, что они норвежцы.

Десять долгих месяцев они ожидали подходящего случая, чтобы бежать, но случаи не представлялись. Тор и Эрлинг знали, что нельзя сидеть, ожидая ку мери моряков, надо действовать. И юности приняла решение.

Это был смелый план: пробраться в Советский Союз. Им предстояло сделать почти немозможное путешествие. Надо было пройти шестое-пятьдесят километров по пустынной части Финляндии, являя солончаки, обходя патрули и заставы, а довершение всего перейти линию фронта. Если б товарищи по мальчишью узнали об их плане, они бы, верно, сочли его фантастичным. Но Тор и Эрлинг доказали, что для смелых духом лет ничего невозможного.

Оставив эскадрильи, Тор и Эрлинг выехали по железной дороге на север. Сойдя с поезда, они двинулись несколько дней, избегая встреч с шведскими пограничниками, пока не перешли границу Финляндии.

Белозелые вдали с собой продовольствие, но время шло, их запасы кончались. Они не решились приближаться к населённым местам, так как знали, что финны, вероятно, расстреляют их как шпионов.

Стало холодно. По ночам юноши спали между двух костров, заделав в один спальный мешок. Нередко путь их преграждали бурные реки, во которых быстро неслись огромные льдины.

Вырубив шесты и перепрыгнув при помощи их с льдины на льдину, юноши кое-как достигали другого берега. В более сложных случаях они строили плоты. Не раз подобная переправа кончалась ледяной смертью, и только чудо или случай спасали их от верной смерти.

Роман

Н. Чуховский

(Продолжение)*

Рис. Е. Ракин

Капитан Расохин сидел за столом прямо против двери. У него было широкое туловище и большой голова с жесткими рыжими волосами. Комбинезон на груди у него был расстегнут, и золотые пуговицы его морского кителя ярко блестели. Глаза его, устремленные на Рабушкина, тоже блестели — маленькие, светлоглазые, с крошечными острыми точечками зрачков. Рабушкин часто видел это лицо улыбающимся и добрым. Но сейчас оно не было ни улыбающимся, ни добрым.

— Вы знаете, что вы сделали? — спросил капитан Расохин.

Обычно он говорил своим летчикам так. Когда он начинал называть их по именам, это было очень плохо.

— Знаю, — сказал Рабушкин.

— Пока Костян и Карякин были живы, вы металы по всему шебу, как щенок по двору, — продолжал капитан Расохин.

Рабушкин не обратил внимания на обидное слово «щенок».

— Где Костян, товарищ капитан? — спросил он. — Костян и Карякин обили «шюкеры». Они вернулись и снова вылетели...

«Сказать ему, что и тоже обили «шюкеры»? — подумал Рабушкин. — Он считает, что я трус. Скажут либо не скажут? Нет, не скажу: не поверит: никто не видел».

— Это второй «шюкеры» — вдруг проговорил человек, лежавший на диване. — Он шел в паре с тем, которого обили ты.

Лежавший на диване поднялся, и Рабушкин увидел курчавую голову комиссара жандармерии старшего лейтенанта Ермакова. Комиссар потянулся, встал, но о глазах его не было слез.

«Так, значит, кто-то видел? Значит, ни сообщать?»

Понемногу, глаза Рабушкина на мгновение повеселились, потому что лицо капитана Расохина стало еще сердитее.

— Все равно, — сказал он. — Летать вы больше не будете. Я отстраняю вас от полетов.

Рабушкин ждал, что уродю, только не этого. Это было слишком ужасно.

— Товарищ капитан...

— Всё, — сказала капитан Расохин. — Можете идти.

Рабушкин повернулся и медленно вышел из землянки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕВУШКА НА ЛЬДУ

1

На аэродроме было оживленно, самолеты взлетали, шли на посадку, но Рабушкин, обычно с жадностью следивший за полетами, теперь не поднял даже головы, не обернулся: ему тяжело было смотреть, как летают другие. Он добродо

деревни и зашел в летнюю столовую — пообедать. Он был очень голоден. Он теперь всегда был голоден. Все летчики были голодны. Говорят об этом в эскадрилье было не принято, потому что летчики знали, что здесь, внутри кольца, созданного немцами вокруг Ленинграда, их кормят лучше всех, и все-таки им не хватало и они были голодны. Рабушкин съел тарелку супа с кашей, два ломтика хлеба, ложку овсяной каши и пошел в избу, в которой обычно спал.

Изаба была двойная: справа от себя жили холода, слева — летчик. Рабушкину ничего не хотелось видеть, и он надеялся, что сейчас, в дневные часы, на половине летчиков никого нет. Но он ошибся — перед печью сидел на табурете лейтенант Никритин и подбрасывал хворост в огонь.

Лейтенант Никритин был высок, тонок, с зачесанными назад гладкими почти черными волосами. Звали его Николаи Николаевич, и потому в эскадрилье называли его Никитинки. Впрочем, чаще его звали Колей. Он сегодня не летал, потому что самолет его был поврежден. Самолет его отремонтировали уже два дня, и Никритин вынужден был сидеть на земле. Он с утра тодил вью, и в вью было жарко, как в бане. Он топил печь охотничьи и с угрюмостью удовольствия следил, как хворост корчился и распадался в огне. Он был не в духе.

Рабушкин пошел молча, сел на свою койку и стал стаскивать с себя комбинезон.

— Ну, как? — спросил Никритин, не повернувшись.

— Отстранен от полетов, — сказал Рабушкин.

Никитин удивленно взглянул на него, хотел что-то спросить, но, увидев его расстроенное лицо, промолчал.

Общаясь с собой комбинезон, Рабушкин лег на койку и стал читать «Трёх мушкетеров». Ему нравилась эта книга; он приехал её с собой из летней школы и теперь читал её уже во второй раз. Какой лодкой, смеялся мальчик был д'Артаньян! Умел выйти из любого положения! Уж! его бы не отстранили от полетов!

— Город видел? — спросил вдруг Никритин.

Никитин был ленинградский. В Ленинграде жили его отец и мать.

Рабушкин молча кивнул головой, не отрываясь от книги.

— Бомбили сегодня? — спросил Никритин.

— Кажется, бомбили, — сказал Рабушкин. — «Юнкерс» шел от города пустой. Я сбил его.

Он был доволен, что не удержался и разговаривал, и снова уткнулся в книгу.

— На озере было?

— Был.

— И что?

— Ничего, — сказал Рабушкин, продолжая читать.

— Замерзло?

— Открыта вода только к северу, а здесь лёд.

— Мамин яду?

— Через озеро? — спросил Рабушкин и перевернул страницу.

— Да.

— Машин не видел. Лёд, наверно, толстый ещё. Люди яду.

— Пешком? — спросил Никритин, отодвигаясь от печки и оборачиваясь к Рабушкину.

— Пешком, — Рабушкин положил книгу на подоконник. — Сначала за собой с бараком тащат. А больше без салючек.

— Какие же салюки?

— Не знаю. Из города. Голодные. Большие железные.

— Как же они яду, голодные, в мороз, при ветре, тридцать ядет по льду?

— Так и яду. Некоторые плавают.

Рабушкин нахмурился и снова встал к подоконнику. Но Никритин всколыхнул и встал к его койке.

— Да ты сам видел, как падают? — спросил он.

— Ясное дело, сам, — сказал Рабушкин.

— Да где же ты видел в каком месте?

— Совсем близко, километрах в восьми от берега.

— Упал кто-нибудь?

— Женщина.

— Молодая?

— Я не рассматривал.

— Может быть, она и до сих пор там лежит?

— Может быть.

Рабушкин устался в книгу. Никритин несколько минут молча стоял над ним. Потом стал ходить по комнате — от печки к углу и назад. Потом подошёл к своей койке и стал переодеваться.

Рабушкин явко следил за ним. Никритин вынул кожаные штаны, сапоги, меховую куртку — так одевался он, когда ездил на своём мотоцикле. И пошёл к двери.

— Ты куда, Коля? — спросил Рабушкин.

— Закрой трубу, когда прогорит, — сказал Никритин.

— Закрой.

Никритин вышел.

2

Никритин зашёл в сарай и вынул на двор свой мотоцикл. Этот мотоцикл он привёз с собой в начале осени. Он хитро да воевал всё лето. За него мотор остыл и долго не запускался. Никритин воюлся с ним охотничьи и упрямо, и, наконец, он затрещал.

Вадима сухую снежную пыль, Никритин ехал по лесной дороге, прорубленной среди высоких сосен, потом поворачивал по шоссе, проложенному вдоль берега озера. Сарая, за лесом, спускалось солнце, а слева, между рядами стволами деревьев, видел он замерзшую угрюмую глыбу озера, тянувшуюся до самого горизонта. Наконец, по обеим сторонам шоссе замелькали домишки, и он увидел высокий мак, построенный из красного кирпича на лесном мысу. Неподальку от этого мака начиналась дорога через озеро.

Её только ещё прокладывали. Группы красноармейцев на льду расчищали деревянные лозы-тачки, а в часовой остановил Никритин и проверил его документы.

— Давнечка задержено, — сказала часовой. — Лёд тонок. Утром вышла полуторатонка и провалилась.

Никритин долго ему объяснял, что мотоцикл — не полуторатонка, потом внезапно дал газ и выехал на лёд.

Расчищенный участок вконец скоро кончился, и началась обкаточная тропинка, прогнанные в неглубоком снегу. Ветер занесла её морозной снежной пылью. Местами лёд был неровный и состоял из отдельных смёрзшихся льдин, легко трещащихся и шевелящихся под мотоциклом. Как-то Никритин приподнялся слева с мотоцикла и встал поперёк, ведя его рядом. Потом на льду стали попадаться осколки шрапнели.

Внезапно справа от себя Никритин услышал далекий орудийный выстрел, и позадил его мотоцикла метрах в пятидесяти разозлился шрапнелью. Стреляли впереди, залегавшие козырь берега озера, еле видный вдали. Через минуту южный шрапнельный снаряд разорвался слева от Никри

* Начало см. «Смена» № 9-10.

тава в сотни метров. Он боялся, что метает в него, и увидевши скорость.

Никритин спереди заметил людей, которые шли через снег в одном с ним направлении. Мужчина и две женщины. Все трое в валенках. Мужчина в толстой короткой куртке и рыжей меховой шапке, женщины с шерстяными платками на головах. Впереди волочила на соборь санки, на которых лежало что-то накрытое мешковиной. Они двигались медленно и при взрывах шартели да во поворачивали голов.

Видя, как рыволудили они к выстрелам, Никритин, смущенный и неловкой собой, сбавил скорость. Пауна их, он слез с мотоцикла. Они ее взглянули на него.

— Вы здесь не видели женщины, ушедшей на дороге? — спросил Никритин.

— Не видели, — ответила одна из женщин.

Всё лицо её было скрыто платком.

Никритин всколыхнул на мотоцикл и почувствовал давлену Немца стрелой иерархия. Больше слов. Начались сумерки, сначала еле приметные. Снег был уж не бархатом, а бледнобугорным. Ветер стал резче. Тренинов во льду попадались чащи, и лыжня оседала под моточком. Никритин внимательно смотрел по сторонам, уже терия надежду.

Вдруг он заметил что-то тёмное на льду, в сотни шагов от себя, спрыгнул. Он слез с мотоцикла и пошёл по лыжне. Он шёл нерешительно, потому что тёмный предмет этот показался ему слишком маленьким, чтобы быть человеком: скорее светлок какой-то, чёрный ток.

Но, пройдя шагов двадцать, он разглядел валежника и откинул руку в чёрной жаренке. Он побоялся. Это была женщина. Она неподвижно лежала в снегу на спине возле одного из отгетателей тропы.

Она была очень маленького роста. Лица её он разглядел не как, потому что всё оно было обернуто платком, кроме закрытых глаз со светлыми ресницами и маленького краешка лба. Никогда у живых людей не видел Никритин такого белого льда. На ней было пальто с поднятым потёртым меховым воротником. Одна рука её спрятана была в мундур, лежавшую на жесткой другой руке, откинутой в сторону, лежала на снегу.

Никритин опустился возле неё на колени, снял кожаные свои рукавицы и достал пальцами её лёд. Лёд оказался ему холодным. Тогда он проткнул руку между её воротником и плечом. Там было тепло. Он коснулся её шен. Шен была тёплым. Жива!

— Встаньте, пожалуйста! — кричал он ей. — Вы слышите меня?

Но она не шевелилась. Долго ли она здесь лежит? Рабушкин пролетел тут три часа назад. Но может быть, это вовсе не та, которую видел Рабушкин?

Он взял её за плечи и начал осторожно приподнимать. Он посылал её. Но едва он верстал её и подпер её, она упала набок. Тогда он поднял её и пошёл. Он увидал, что она та же самая девушка. Она не приходила в себя, но теперь он уже не сомневался, что она жива: ноги и руки её хорошо гудели. Приблизив к своему лицу её голову, он почувствовал, как она дышит.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПАВЛИК ЗНАКОМИТСЯ С ВАСИЛИЕМ СТЕПАНОВИЧЕМ

1

— Ну пойдём отсюда, Павлик. Ну зачем ты здесь всё стоишь? Завдас холодно. Ты зямёрз. — Не пойдё, — сказал Павлик.

— Ты опять хочешь кричать? — говорила Эрна. — Воды ты кричал уже. На дороге никого нет и никого не будет. Вы равно никто не услышит. Кому нужно входить на этот двор? Крик из такой щелки слышен только вблизи. Пойдём поспиди в тепле.

Павлик молчал. Больше он не собрался кричать. Но уйти отсюда он не мог: если они уйдут туда, в темноту, на зарю, их не найдут никогда.

— Он просят под этой щелью весь лёд и зямёрз, жестоко зямёрз. Но холода он, казалось, не замечал, не холода мурлы его же мучила мысль, что скоро ляжет темень.

Сумерек ещё не было, узенькая полоска неба, видная через щельку, сияла порожнею. Показалось, только солнечный блик там, вверху, стал алым, чем был издавна. Однако Павлик чувствовал, что сумерки вот-вот наступят.

— Через час будет темно, — сказал он.

— Ну да, ну да! — подхватила Эрна. — Скоро будет темно, а в темноте уж никто сюда не придёт. Зачем же здесь стоять? Пойдём поспиди на парак. А завтра ты опять сюда. Завтра нас непременно найдут, вот увидишь.

Она хитрила, она угловарила его, как маленького.

Но он не уходил.

— Нольню мне нужно быть там, — сказал он.

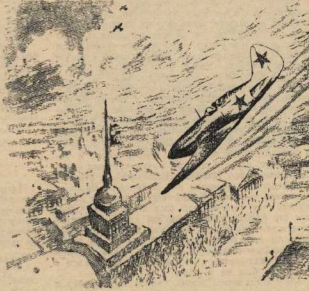
— Геть!

— Почему? — спросил он.

— Почему ночью? Не всё ли равно, где спать? Здесь очень хорошо спать.

— Мне спать нельзя, мне ночью нужно быть вверху, — сказал Павлик упрямо. — Он их пускает по ночам.

— Что пускает? — не поняла Эрна.

— Рахста. Сегодня ночь будет алая, он непременно будет их пускать. Пройшей ночью я чуть было его не нашёл. Сегодня я поймал его, если меня вынут.

Он внезапно умолк, потому что вдруг сразу стало гораздо теплее: кто-то заслонил свет веба, пропавший через щельку. Потом опять осветлело. Потом потемнело снова. Кто-то бродил по двору перед щелькой. Отходил, опять возвращался.

Щелка была узкая, и Павлик никак не мог разглядеть того, кто бродил там, наверху. Он видел только движущиеся пятна — что-то чёрное, большое, что брало, мохнатое, что-то белое.

Павлик хотел уже крикнуть, как вдруг маленькая ладонь стремительно зажала ему рот.

— Молчи, молчи! — шептала Эрна и тряслась от страха, что Павлик закричит.

Павлик удивился. Осторожно отнял он руку её ладонь от своих губ.

— Молчать? — спросил он шопотом. — Зачем молчать? Нужно позвать его.

— Молчи, ну, молчи! — шептала она умоляюще, снова пытаясь закрыть ему рот. — Это он!

— Я потом тебе скажу. Только молчи, молчи! Она была в таком волнении, что Павлик похоронил замолк. Он молчал, хотя ужасно боялся, что этот человек там, наверху, уйдёт.

Но человек не уходил. Он что-то делал возле самой щелки. Было слышно, как он переступает с ноги на ногу, как хрустит штакетника у него под ногами. Потом раздался стук. Человек

наверху. Он часто ступал по каменной плите, закрывавшей отверстие. Казалось, он пытался сдвинуть её с места. Но плита не поддавалась.

Вдруг в щель сверху осторожно пролезла тонкая палка. Это была трость, чёрная никелированная трость с металлическим наконечником. Человек там, наверху, просовывая в щель свою трость.

Он, видимо, хотел узнать, глубока ли щель. Трость не достала пола подземелья, и он быстро вытянул её наверх. Потом стали слышны удаляющиеся шаги.

— Он уходит, — сказал Павлик.

— Молчи!

Эрна видела, что он сейчас закричит.

— Он уходит!

Она с силой зажала Павлику рот, держа его голову обеими руками и прижимая её к себе. Павлик оттолкнул её.

— Он уходит! Зачем молчать? Кто он?

— Молчи! Это Василий Степанович.

— Какой Василий Степанович?

— Мой дядя. Молчи!

Но шагу наверху уже снова приближался. Человек нёс что-то тяжёлое, позванивающее о камень.

Потом над самыми головами Павлика и Эрны раздался крик, хруст: человек наверху работал железной лопатой. Он сгребал с каменной плиты кирпич и штакетнику, чтобы подбросить её.

Павлик поднял лопату, откинул ногою плиту, и Павлик увидел её.

Над отверстием стоял мужчина средних лет, высокого роста, важной и даже величественной. На нём были одетый рубаш с бобриным воротником и бобрная шапка. Левой рукой в кожаной чёрной перчатке держал он трость с блестящей металлической рукояткой. Он смотрел вверх и в отверстие. Возможно, там, внизу, заметил он платок Эрны, смутно блевавший в темноте. Он внимательно вглядывался, стараясь отгадать, что это такое. Эрна стояла, не шевельясь, почти не дыша, в стороне от столба света, падающего через отверстие. Павлик стоял рядом с ней.

Внезапно Василий Степанович обернулся, посмотрел, нет ли кого на дворе. Он посмотрел вверх и в отверстие. Возможно, там, внизу, заметил он платок Эрны, смутно блевавший в темноте. Он вглядывался в темноту. Потом правой рукой достал что-то из кармана, и яркая искра электрического света скользящая свисала по шнуру Павлика, потом по шнур Эрны.

— Это оно! — сказал он, наконец. — Жива! Каким радост!

Голос у него был мягкий, немолодой, настоящий дядишкин голос. Видимо, он был необычайно взволнован встречей с Эрной. Он потянул вверх и закрутил её воротник. Потом он вынул из кармана чистейший, выглаженный, сложенный вчетверо носовой платок, осторожно развернул его и вытер себе глаза — сначала один глаз, потом другой. Он так же аккуратно слез платок и вынул его из кармана.

— Жива! — повторил он расслабленно. — Как я искал её все эти дни, как искал! Она обещала мне, удрала от меня, неслучайно обещала, что как обещала, так и выйдет. И она вышла. Я искал её все эти дни и ночи, я искал её всюду. Уж не было никакой надежды, а я всё искал.

Он говорил сам с собой, не в склад приди в себя и молчали. Но тут он внезапно обратился к Эрне:

— Пойди сюда, милая моя девочка! Эрна не динувшись с места, но он, не дожидаясь, сам подошёл к ней, взял её за руку и пошёл. Потом осторожно пошел в а голову, в самую макушку, через шершавый платок.

— И ты была здесь все время! — продолжал он. — В таком холоде? Верная! Чудо, что ты выжила. Где ты была? Там, на парак? Я слышу, но признаваю, что там были жары, и когда-то входил и кто бомбу взорвал. (Оно почему-то всегда наступало, даже во время темноты. И этот мальчик был с тобой?) — он поглядывал Павлика по

шпакле — И больше никого не было? Ну, пойдём, пойдём, я хочу посмотреть, как вы тут жили...
— Кремлю дерга Эрну за руку, он открыл дверь в комнату с гармом.

— Здесь горюшка, телёте... сказал он — Иди и ты, милый мальчик, — он вынул из кармана фонарик, и жёлтый кружок электрического света загорался по гарму. — Вот тут же жинь? — он торжественно шагнул вперёд, таща за собой Эрну; Павлик шёл следом. — Ах, этот замечательный выход! Этого замечательного выхода не надолго привлек к себе его внимание. Свет фонарика торжественно скользил по обоям и перекосил на ту стену, где была дверь, осветил с полдюжины ламп. На этой стене и особенно на двери жёлтый кружок света загорался гораздо дольше. Дверь была заперта снаружи большим замком, и замок этот Василий Степанович осматривал, по крайней мере, целую минуту.

— Что же ты здесь дела? — внезапно воскликнул он, направив свет фонарика Эрне в лицо; видимо, сейчас эта сейчас впервые пришла ему в голову. — Столько дней Ты стоишь тут. Ты умерла бы, если бы ничего не ела... Милая, милая... Что же ты ела?

— Она ела изюм и сухари, — сказала Павлик. — Кто? — переспросил он, и сразу же снова осветил замок на запертой двери. — Где же ты была? Где она жила?

— Вот в этой комнате, — сказал Павлик. Василий Степанович, увидев Эрну, торжественно пошёл к двери и ощущая замечательное богатство несчисленно. Сейчас за плечу махорки в нашем городе можно купить шестизначный дом с паровым отоплением, а за сто граммов хлеба — две дома Петербургского спортивного писца за один шаг граммов не даст. Я шучу, шучу, конечно, — он рассмеялся. — Что же с этим делал? Здесь, вероятно, был склад каких-нибудь или что-нибудь вроде. Это добро государственное, парадное, мы обязаны его охранять. Оставить так и уйти? Раскадрать, непременно раскадрать. Взять с собой? Чтобы потом сдать, конечно, завянуть и сдохнуть. Нет, в квартире сейчас тоже небезопасно жильешь, оставь так, в дарку в подполье анализал со двора камнями да ещё снежком присыпал, чтобы не вышло... а потом завянуть... Да что же и столько времени терять? Сидеть, скорей! Вель ты напавшим пойдёшь на амбразу, еще жинь... Мальчик ты только, пойдёшь с нами.

2

Эрна, поев кашу, сразу заснула, не раздеваясь, а на плече. Василий Степанович покрыл её шерстяным шарфом и пошёл к печурке. Он всё ещё был а шубе, хотя комната уже довольно нагрелась. Но борюшая шапка лежала у него на коленях, и большой вытканый лоскут его, свисавший с лямочки, блестел при свете крошечной лампы с стеной. Дверь была закрыта, сделанной из железного ящика, была открыта, и алые отсветы пламени прыгали по мебели, загромождённой комнате.

Василий Степанович время от времени подбирался в печурку цепки, а Павлик, уже съевший тарелку каши, сосал домино шоколадки, стараясь сосать как можно медленнее. Шпакну свою он держал в руке, и её обдувал уходящим.

— Странная, возмущающая делала сказал Василий Степанович, возмущая делала на спящую Эрну. — Ты знаешь, что она странная?

Павлик кинул головой.

— Она вместе с матерью бежала от немцев из Таллина. Тогда уже проехать можно было только морем. На пароходе были одни женщины и дети, и всё же немцы пропустили пароход вместе с самовольной Эрной, её маму спасли — их подобрал в воде другой пароход. Но пароход этот тоже разбомбили немцы, и они снова тонули,

и их снова спасли. Мать Эрны, моя родная сестра, заболела и умерла, а Эрва с тех пор стала такой странной. Она ненавидит немцев, и немцы ей чудятся скоты. Она самак была жестоко принимает иногда за немцев. Даже меня, своего дядю, которого знает с самого дня рождения, она считает немцем. — Он с горечью рассмеялся. — Она себе об этом говорила!

Павлик жадно, продолжая сосать шоколадку. — Она погибнет, непременно погибнет, — продолжал Василий Степанович. — На этот раз она спаслась только чудом. Если она снова ужалит, то немцы выстрелят. Вот улария меня даже желобной картинкой своей не захватили. Я все эти дни получал по её картинке и отгадывал, эта каша сварена из её крутин, так что это она тебя съедает, а не я. Я на картинку сейчас, конечно, не прожискую, но у меня есть некоторые запасы, очень мало, однако кое-что есть. Со мной она была не разговаривая, она безумная, но тебе, быть может, послужат. Приходи завтра утром, если решишь? Обещеешь?

Павлик кивнул снова.

— Так ты ловишь ракеточки? — спросила Василий Степанович.

— Угу, — сказал Павлик, не открывая рта. — Удивительные мальчики в этом городе — все они либо ловят ракеточки либо тушат зажигательные бомбы, — сказал Василий Степанович. На крышах сейчас куда больше детей, чем в садах. Всякий другой город в мире давно бы горел, если бы на него сбросили столько зажигательных бомб, сколько бросает на Ленинград. Но у нас зажигательные бомбы тушат, у нас мало пожаров. Недавно один человек мне так и сказал: мало пожаров, — Василий Степанович чуть-чуть усмехнулся. — Вот с ракеточками дело другое. Мне никогда думается: да существуют ли эти ракеточки в самом деле, не миф ли они, не плод ли народной фантазии. Ты видишь ракетку?

— Видел, — сказал Павлик.

— Ну, сегодня утром. Перед первой бомбёжкой. Когда ещё было темно.

— Откуда же ты знаешь, что это была ракетка? Вокруг города дым, и в воздухе артиллерийские снаряды, и по ночам небо дрожит от вспышек. Это было, верно, ослепительное отсвет дальнего выстрела, а не ракетка.

— Нет, я его ракетку со вспышкой не увидел. — Ты хочешь. Предположим, что ты видел сегодня утром ракетку, — сказал Василий Степанович. — А ракеточка?

— И ракеточка видел, от шомаколки по рту улетела, — сказал Павлик. — Предположим, что ты шло говорить. — Он всегда нискует её с одного и того же места, и только когда нычнётся взором. Сегодня я подстерёг его. Я заранее стал возле того дома, и когда вымчался трезуба, та, первая, сразу побёжал на чердак. Преле окошко я вылез на крышу. Там всего одно окошко, выходящее на крышу. Крыша железная и такая крутая, что на ней можно только лежать. Даже снег на ней почти нет, всё скатывается. Я лёг на крышу и стал ждать.

— А далеко этот дом?

— На соседней улице, — Павлик подумал. — Подальше, если не считать от нас ближе. Где-то здесь, за нашим домом. А улицы разные.

— Ракеточку тоже уже лежал на крыше? — спросил Василий Степанович.

— Я его не видел, только было темно. А уже были звонки, комары — летели над городом. И вдруг я его заметил над собой, на самом гребне крыши. Небо уже слегка бледнело, и я хорошо видел его лицо, голову. Но не видел — вероятно, оно было на другом свете крыши за гребнем. Вдруг он подвинул руку и выстрелил прямо в меня.

— Выстрелил?

— Нет, только похлопал на большой пистолет. Ракета полетела вверх, стало светло, и я совсем хорошо увидел его.

— Ты разглядел его лицо?

— Нет, не успел. Я заметил только, что он был светлее, комары с большими козырьком. Ракета пошлае, «юнкерсы» начали бомбить, и я прижился к крыше, чтобы меня не сбросило волной. Потом пошла вверх, но на гребне его уже не было. Я заглянул через гребень. На другом свете, крыши его тоже не было. Это очень странно.

— Почему же странно? — спросил Василий Степанович. — Он один улетел.

— Я заметил, что он улетел потому, что на эту крышу есть только один ход — через то окошко, в которое я сам пролез. Дом шестизатяжной, с

много ската — улица, с его ската — двор, на другие крыши никак не перейти, я это хорошо расскатор.

— Ты кто такой не считаешь? — Ищешь. — И ты его больше не видишь? — Нет, видел. — Ждал ли Гас? — На улице. Я со мной вина. Уже совсем светло, он стоял под воротами, он ждал. — Чего ждал, когда на улице станет больше народу?

— Как же ты узнал, что это он, если ты там, на крыше, не разглядел его лица?

— По кемпе: на нём была серая кемпа с чёрными козырьком. — Гас?

— Василий Степанович замесался. — Да мало ли людей ходят в таких кемпах! — воскликнул он. — Ты ведь не знаешь, а теперь мало. Теперь все гражданские в шпакле. — Есть в и в кемпах. — Есть, — согласился Павлик. — Я ещё по лицу догадался.

— У него лицо было в копоти. Он, верно, сам этого не знал.

— Откуда же копоть?

— Василий Степанович вытер ладонью своё лицо, брigit, совсем лицо.

— Ну, теперь у многих лица закоптели, — сказал он. — Теперь лучше приходится возиться с печурками да с котельниками.

— У него копоть была не такая. Лилова с блеском. И сильно накоптело. Особенно вокруг глаза. Из-за этой копоти я опять не мог разглядеть его лица.

— Опять не разглядел! — сказал Василий Степанович и рассмеялся совсем громко. — А как он был одет?

— В коричневое пальто, потёртое, грязное. Неважно он одет.

— А роста какого?

— Высокий. Такого же роста, как вы. Только тоньше. Вы знаете. Хотя ещё сидеть с вас шубу, вы тоже казались бы тощие.

— И долго он стоял в воротах?

— Нет, недолго. Когда на улице стало больше народу, он пошёл. Я пошёл за ним, чтобы узнать, где он живёт?

— И он не отгадывался?

— Ни разу. Он вышел на набережную и пошёл по ней. Потом свернул и дошёл до проспекта. По проспекту я шагал, шагал. Видно, как он кружил. Другие люди так не кружат. Потом он свернул в разрушенный дом. Я за ним, а его уже там же было.

— Куда же это ты? — спросил Василий Степанович, увидев, что Павлик надел свою шпакну и анализал теснотой под полбородком.

— Я пошёл, — сказал Павлик.

— Оставайся. Переночуешь у меня, завтра утром позаворашь с Эрной. Оставайся. Ты мне ещё что-нибудь расскажешь. Ты так интересно рассказываешь.

— Нет, я пошёл.

— Хочешь, я завтра напишу записку к директору университета, чтобы ты поновил твои книги? Он не рассердится: ведь меня знают, а заведующий большим магазином. Не хочешь? Ну что поделаешь, если, но приходи поскорей. Вель ты мне общал поговорить с Эрной. — Василий Степанович встал, чтобы прощаться Павлику. — Я хочу подарить тебе этот электрический фонарик. Вот возьми. Ты сланный, смелый мальчик. Мальчику, который охотится по ночам за ракеточками, электрический фонарик очень нужен. А у меня ещё один есть.

— Фонарик! — Павлик взял фонарик и зажал его в кулак.

Василий Степанович проводил Павлика до лестницы и зашёл за него довернул. Оставшись на лестнице один, Павлик сразу же нажал кнопку и зажгёт свой фонарик. Кружок света упал на плешь с медной дощечкой. На дощечке было написано:

Василий Степанович

ТАРАРАКСИН

Тараараксин Удивительная фамилия. Где он её уже слышал!

(Продолжение следует.)

ОФИЦЕРСКИЙ ВАЛЬС

Слова Евг. Долматовского

Музыка М. Френкеля

Ночь коротка,
Свет слабый,
И легки у меня на волон
Незнакомая виша руга.

После тревог
Слыт горючок.
И услышишь мелодию вальса
И снова задул на часок.

Припев:
Хоть я с вами совсем незнаком
И далеко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного,

В этом зале пустом
Мы танцуем влюбим
Так скажите мне слово,
Слы не знаю о чем.

Будем кружить,
Петь и дружить,
И сосны танцуют, разучены
И прощай вас меня извинить.

Утро зовет
Снова в поход,
Поклоня вам маленький горю,
Я прощай мимо ваших ворот.

Припев.

ЗАМЕТКИ О КНИЖКЕ

«ЗНАМЯ БРИГАДЫ»

Поэма молодого белорусского поэта-фронтовика. Арадий Кулешова «Знамя бригады» — скорее лирический дневник поэта. Простыми, взволнованными словами автор показывает конкретный эпизод и размышляет над ним. Милос, говорит о том, как герой его скитается по гористым дорогам отступления, слово «любимый» дается, что оторвал от ветки ромашки, как слышны шаги бригады и любимого комиссара Зарядного.

Много видит герой на своем пути: сожженные селения, старика-лесника, проводившего на войну всех сыновей, Лизвету-вдову, завовавшую войной отдохнуть. Случится герой-воин Нинта — оказывается предателем: он убегает назад, с курткой, в которой нашито спасенное знамя бригады. И герой поэмы вместе с комиссаром одиночно выносит ему смертный приговор.

Ожесточается сердце героя от всего виденного и пережитого, и когда он выходит к родному селению и видит само село, то говорит решительно:

«...Теперь не могу, не хочу
Видеть поле и каланчу
И родное местечко алаши...»

«Бывайте оловора, назад меня ждите» — восклицает он. И как этот мотив народной песни органически вливается в поэму, так и экспозиция автора естественно вытекает из его поэмы:

«Нет, пашу я не просто алевни,—
Приговор аывишу справедливый.
Я на кровь на людскую глядел,
На жокари, на павел летучий,
И не в строю собрать их хотел,
А в могучую тушу.
Чтоб ответить наши враги
В судный день за свои
преступления...»

Народной былинной, подлинным эпосом веет от поэмы. Талант автора легко и вольно выражены в ее строках.

Великолепный перевод И. Исаковского дает возможность читателю ощутить богатство красок подлинника.

Л. Константинов

* Журнал «Знамя» № 2—3 за 1943 год.

Ночь — но — рот — ка — слыт
Пос — ле — тре — вог — спит

ОБ — ЛА — КА — И ЛЕС — КОУ У МЕН — Я НА — ДА — О — НИ НОВА — КО — МА — Я
ГЛ — РО — ДИ — И ЖЕ — ЛЫВА — Е — ДНО ВАЛ — СА И СЮ — ДА ЗА — ГРА

ВА — ША БУ — КА, НУ — НА ЧА — СОК, ХОТЬ ВСАМЫ СОВМЕШУ

КОМ И ДА ЛС — КО ОТ — СЮ — ДА НАШ ДОМ Я КАК БУДО БЫ СНО —

БА ВОЛ — С ДО МЯ ГРО — ГО, В ЭТОМ ЗА — ЛЕ ПОС — ТОМ МЫ

ДУ — ШЕ МНО — ГИ СЛАВНЫ — ТЕ МНЕ ОКО — ВО С МЫ НЕ ЗНАЮ О СЕМ

О «ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ»

Бережка на поле битвы забьет а метелью вымок и содрогается от дрожащих снарядов. Она напоит друга бережку, но ирину, водившуюся на родном дворе. Когда-нибудь минут покоеме иная, отгнет суровые бои и девушка, выежа на шум листьев, увидит своего милого, любимого друга.

Такое содержание олого стихотворения из книжки И. Френкеля «Друзья-товарища». В другом стихотворении говорится о разлуке, такой длительной, без писем, без всяких вестей, что уже родилась зловеще духла о гибели друга, о печальной судьбе его:

«Зачем же верите, слухам?
Я знаю и неверды.
А конится разлука,
Когда мы победим».

В содержании стихов И. Френкеля и в самой интонации его простых и певучих строк без труда узнаются традиции так называемых городских и фабричных песен. Автор хорошо владеет даром впитания. Он легко и непринужденно охватывает свои строки то веселым озорством, то легкой иронией — всем тем, что

так характерно для песенного народного творчества. Вызает, что эффект точного подобия и верной интонация достигается с помощью одного какого-нибудь, удачно подобранного слова, например эпитета «малышечка». Много раз повторяя эту фразу, И. Френкель ловко, почти виртуозно, строит вокруг нее целый сюжет о подростке, который покинул отцовский дом и ушел за окладиром красной кавалерии. «Нет, пятидесяти малышечка» просят взять его с собой, командир отказывает. Но подросток яв до что не хочет уходить, он движется по пути окладирова тайком, и когда в бою аркавская пуля сразила нашего пулеметчика, эпитет «малышечка» заняв место убийство и отчетливо заменяет его, утешивая за шитком.

Песенный дар стихотворений И. Френкеля недаром привлекает к себе внимание советских композиторов; многие стихи его положены на музыку и охотно поются в армии и в тылу.

Есть в этой книжке и популярное стихотворение «Двадцать апреля». Это лирическая песня о друзьях-товарищах в бою и в походе, о многочисленных городах, где пришлось воевать в грозные дни. Там были трудные это дни, но когда-нибудь они вспомнятся с удовлетворением и гордостью:

«Об огнем-пожарилах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь,
Когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя за то,
Что дал мне акурить...
Пыль закурив
По оловой
Давай, давай,
Товарищ мой!»

И тут же, рядом с этими удальчыми имитациями песенного народного творчества, поэт дает несколько стихотворений, вполне самостоятельных и своеобразных. Особенно интересна заключительная поэма из девяти маленьких глав — «Комсомольский пареный». Каждой главе предшествует остроумное введение в прозе, а самые стихи, всякий раз иного размера и иного тона, дышат искренним, взволнованным чувством и полны истинной, живой поэтической силой.

А. Эрлих

Ответственный редактор — Борис ВОЙТЕХОВ.

Зам. ответственного редактора — Ю. А. ШИМАН.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 334-24.

Принятые рукописи не возвращаются.

А 1443. Подписано к печати 21/VI 1943 г. Изд. № 511. Формат 72x110 см. 2 п. л. Вкл. в ц. л. 98 000. Зах. 1607. Тираж 30 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЧЕМПИОНЫ НА ВОЙНЕ

ПЛАТОН ИПОПОЛИТОВ,
заслуженный мастер спорта

СВЯЗНЫЕ БАКЛАНОВА

В том городе, которым командовал подполковник Глеб Бакланов, провалилась 27 немецких танков. Они нарушили все средства связи. Положение части было тяжелым. Командиру нужны были выносимые, ловкие, сообразительные люди, которые могли бы заменить и провод полевого телефона, и конного разведчика, и связоватчика. Подполковник нашел таких людей.

Он назначил связными своего адъютанта, многократного чемпиона по боксу, Николая Штейна и рекордсмена по плаванию Михаила Троицкого. Тренированные спортсмены одним духом достигли прибрежья на байдаре — и пушки открыли огонь. Они развешивали в сложной обстановке бое подальше на помощь коллегам с советских танков. Неугнанными спортивными движениями, как на соревнованиях, выполняли боевые задания, вскоу поспевая, проявляя расторопность и сообразительность.

Поак образно три ожесточенных атаки. Не случайно подполковник Бакланов называл связистами Штейна и Троицкого: он знал их еще по встречам на стадионах и водных станциях. Сам командир — тоже разносторонний спортсмен. Когда нужно проверить доверенного наблюдателя, он с крошечным боксом забирался на макушку высокого дерева, работая как акробат на трапеции. Зной Бакланов с элитным мастерством ходил в альпину по скалам, ловко на водных переправах хорошо плавал.

«Спортсмен, спортсмен надо заниматься», — часто говорит подполковник своим людям. И бойцы, являясь на ресета подполковника собранного командира, еще раз убеждаются в силе, которую дает человек спорт.

НА ВОДЕ

Мировой рекордсмен по плаванию Леонид Мешков был участником боя под Ленинградом. В разведку выехал танком его друг Сергей Кулаков. Пока они пробирались к реке, развил в руку з Мешкова. Но хороший плавец может плыть с помощью рук ног. Мешков подхватил заднюю руку раненого товарища и перенес его в воду, работая только ногами.

Комсомолец Никитин был чемпионом по плаванию среди моряков Балтики. Он служил на подводной лодке, выполнял обязанности торпедиста и змея, звянув старшим второй статьи. Однажды немецкие сторожевые катеры обнаружили подводную лодку и пулявыми бомбами повололи мессингивала. Лодка затонула на глубине 40 метровых глубинах. Нужна была срочная помощь. Никитин выбрался из лодки через торпедный аппарат, пробил телом толщу воды и несколько часов подряд вдалеке добирался до берега. Посланный на помощь катер спас экипаж подводной лодки.

Можно ли выносливее, быстрее, которых всем достигнуть регулярной физической тренировки?

Стокиметровая алмжная гонка, во время которой сердце спортсмена за восемь — девять часов перекачивает чудовищное количество крови — 12 тонн. Марашонский бег, когда человек без остановки бежит 42 километра за два с половиной часа. Рекорд 30-минутной Пятистаклометровый мара, покрывший пешеходом за 68 с половиной часов. Сто часов, в течение которых плавец держится на воде. Две тысячи приседаний без перерыва.

Эта физическая закалка человека: сила, выносливость, ловкость, гимнастика, выносливость алмжика, упорство боксера, быстрота бегуна, ухватливость хоккеиста, техника рукопашника, глазомер водителя — оказывает в труднейших боевых условиях неосценимую услугу.

ВЕЗДУХО АЛЕКСАНДРА БУЧИНА

Александр Бучин — член семьи потомственных мотористов. Мастерство владения машиной он приобрел в моторосекции. На войне он считался лучшим воителем. В моторосекции он добился и рекордных успехов, иброд и по выской габарит спортсмен с одинаковым искусством водил свою машину, стоявшую в предельно сложной обстановке: или прыжка на любой участок многообвртной линии фронта. Препятствий для чемпиона не существовало, непреодолим путей не было.

По замешериванному алмжу, по горячей дороге аявляющийся, ночью, являющийся с аявляющийся скоростью члмды аявляющийся Александр Бучина, перекрывая все существующие рекорды кроссов. В умельных руках спортсмена машина вытуплялась из самых опасных и рискованных положений.

В ТЫЛУ ВРАГА

Герой Советского Союза рекордсмен по алмжу Владимир Митков до войны считался чемпионом «двухатки»: он прошел на первенство страны 20-километровую дистанцию лучше всех — за 1 час 11 минут 13 секунд. Блестящее алмжное мастерство позволило ему забираться на сотни километров в аюго аявля. Быстрота и умение чемпиона не раз выручали его отря.

Однажды Митков обнаружил зенитную батарею фашистов. Он бросил пять гранат. Офицер, аявляющийся на него с матером в руках, зявляющийся зявляющийся аявляющийся свист пуля спустился на алмжу с горы, применяя технику зявляющегося алмжика. Большой отряд финнов погнался за смельчаком.

Митков несколько раз заглагал в мит,

отстреляв. И чемпион СССР все же ушел от преследовавших финских алмжиков, чья скорость известна всему спортивному миру.

ЧИСЛО И УМЕНИЕ

Гимнаст хорошо владеет своим телом. Ловкость и гибкость отличают каждое его движение. В штыковых атаках гимнаст боен ухватился, быстр и являющийся и умел.

Герой Советского Союза являющийся физкультурник Анатолий Рыжиков однажды показал, как воевать уметь.

Наших бойцов было восемь, а финских — сорок. Героическая смельчаков пошла в атаку. Немцы, не выдержав штыкового удара, отступили к реке и отступили отступили наступавших свистом из пулеметов.

Пока товарищи воели бой, Рыжиков ползая к немцам пулеметчикам и прятаясь заведя из строя свои пулеметы. Когда смельчаков еще оставалось, тогда на бойца кинулись сразу четыре пулеметчика. Остолок гранаты разбил винтовку Рыжикова. Не только выдержать, но и оборотиться было нечем.

Стремительным рыском, точным, как движение гимнаста, Рыжиков выскочил у ближайшего финита винтовку и заколол двух немцев. Третий бросился бежать. Но те угадав и ему ударить от спортсмена-бойца.

ВЫНОСЛИВОСТЬ — ОРУЖИЕ

Будь ты каким, как эти спортсмены, комсомолец!

Твой спортивный лето 1943 года должно пройти в напряженной учебе на стадионах, водных станциях, в занятиях по физкультуре. Сотни тысяч умельных бойцов рукопашников, пловцов, гимнастов, разведчиков, бегунов — нужно подготовить для Красной Армии.

Физкультурником можно стать в сравнительно короткое время. Саба рука — тренируй её ежедневно гимнастический. Выдержки не хватат — вольши её в частых походах и кроссах. Ловкость приобретется — выработай её в прыжках. Дождь, холод, ветер, непогода неприятны, но не бери от них, а, наоборот, иди им навстречу, придай свой организм привыкнуть неприятностям.

Сила мускулов, гибкость сервиза, выносливость тела — это оружие против врага.

«Величайшую ответственность перед страной несёт мы, воины Красной Армии. Дрогнуть, отступить — и поколения проклянут тебя как изменника, предавшего свою родину. Устоишь, любящая — история тебя прославит».

Тек сказа: «Глеб Бакланов на антифашистском митинге советских спортсменов. Эти слова должны быть девизом всей советской молодежи».

